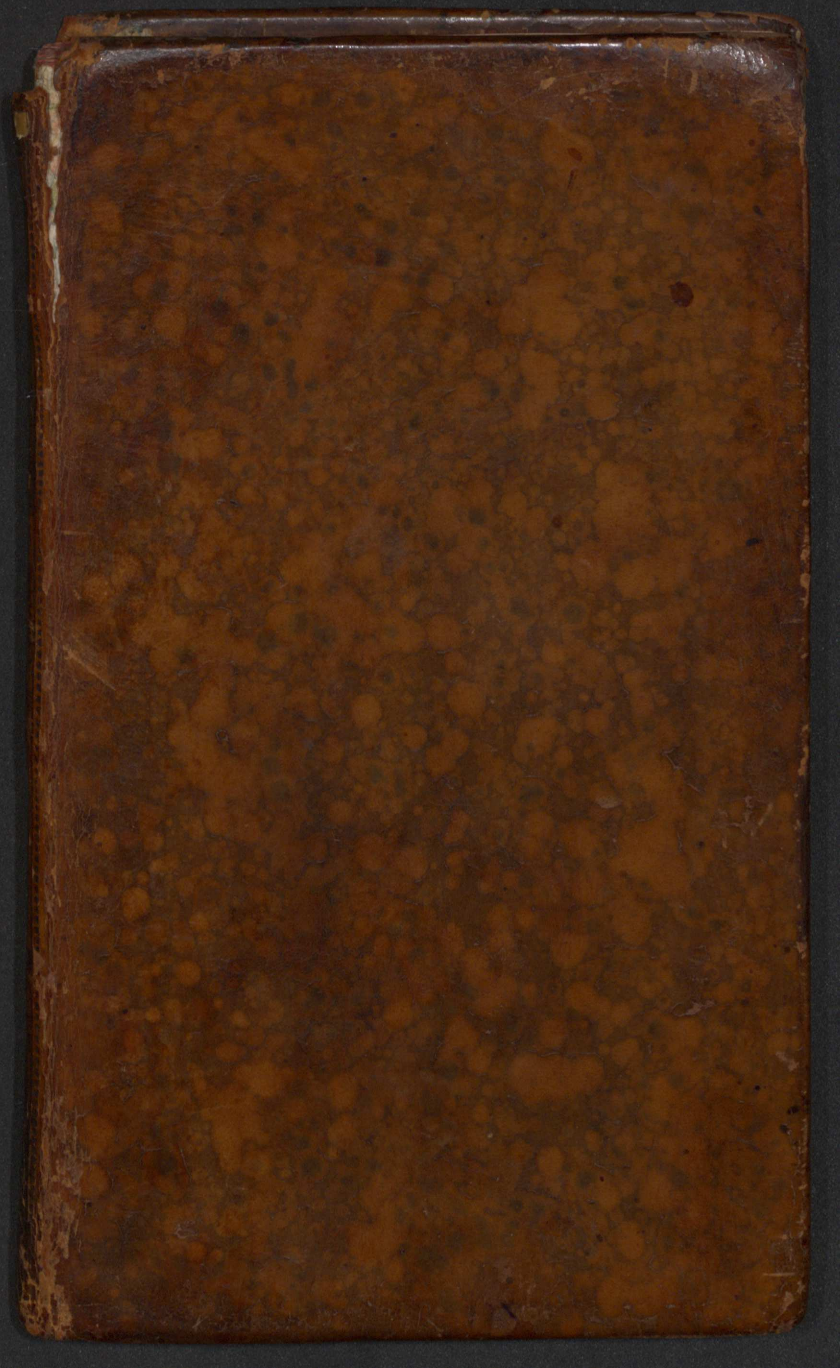
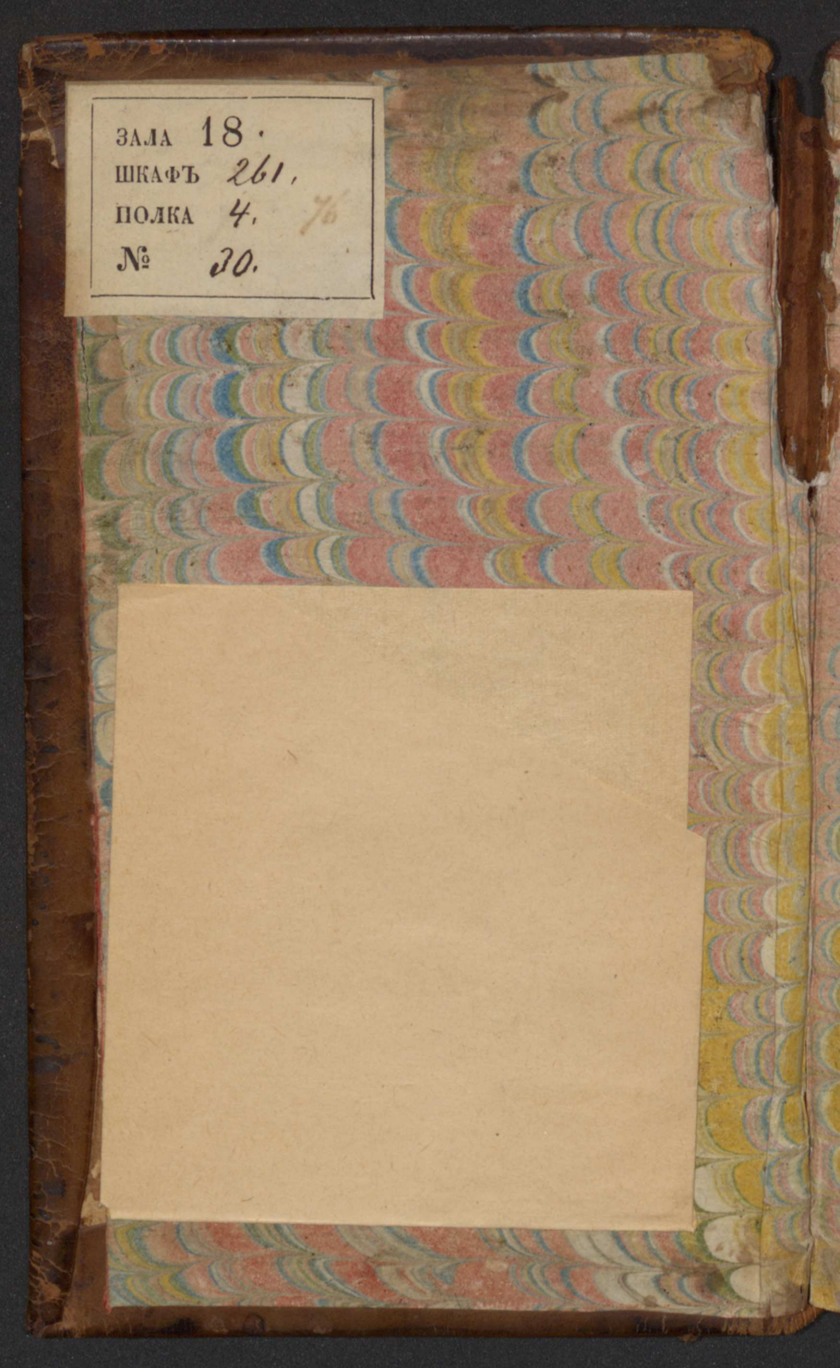

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 261.
ПОЛКА 4.
№ 30.
7/6

БАТИЛЬДА

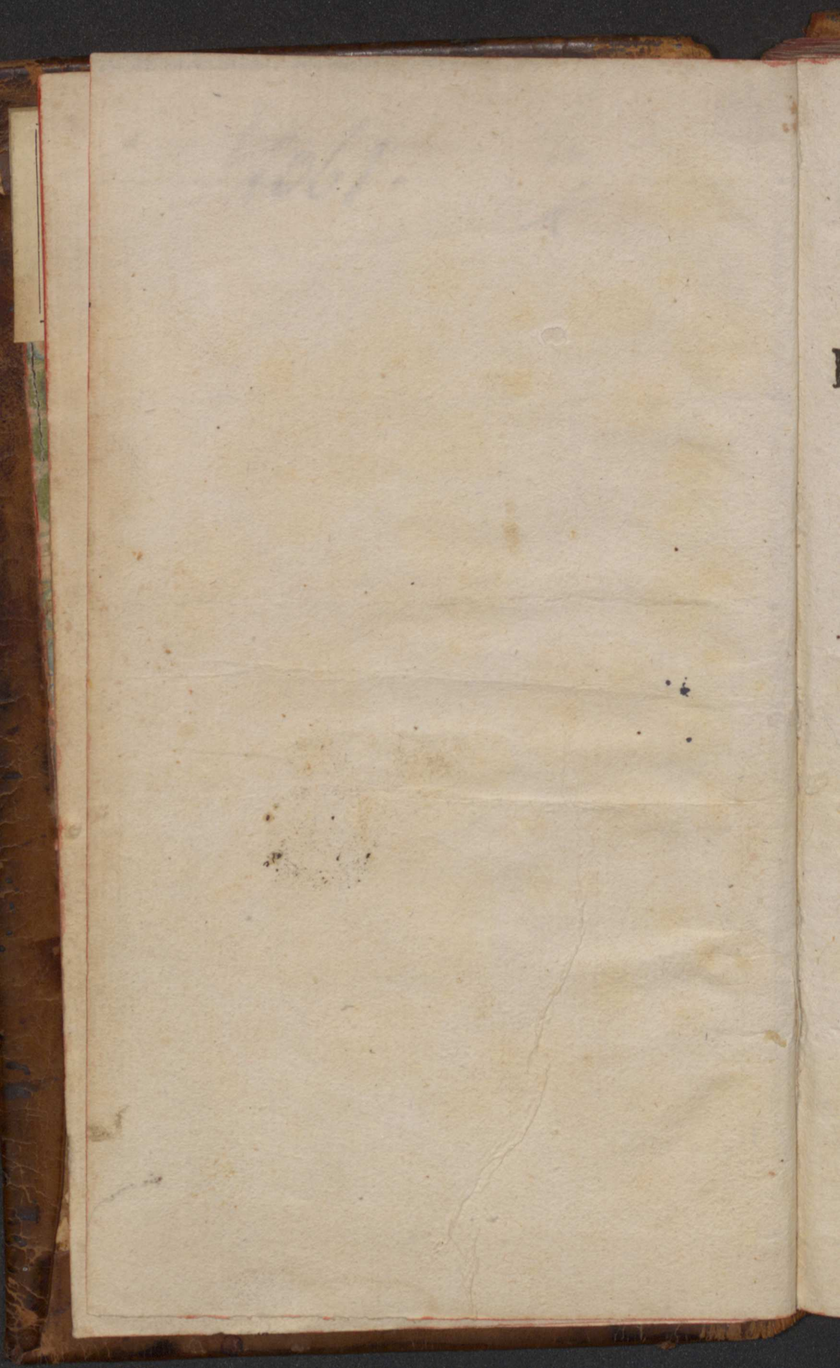
или

ГЕРОЙСТВО ЛЮБВИ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

сочинения

Господина Д' Арнода.

БАТИЛЬДА

или

ГЕРОЙСТВО ЛЮБВИ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

сочиненія

Господина Д' Арнода.

Въ Санктпетербургѣ

1773 года

БАТИЛЬДА,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Власть (1) Маировъ учинилась почти равною съ королевскою. (2) Аршамбодъ, Маиръ Невстрійскаго Двора, вступилъ въ сію должность при Кловисѣ II, на мѣсто (3) Эга, память кото-

 раго

(1) Власть Маировъ *и проч*: Достоинство придворныхъ Маировъ имѣетъ свое начало во владѣніе Кариберта Короля Парижскаго. Сей чинъ при дворѣ тоже значилъ, что нынѣ Оберъ-Гофмейстеръ королевской. Онъ повелѣвалъ только придворными служителями; но напослѣдокъ имѣлъ чинъ Министра, полководца, шефа, принца и на конецъ вла-

раго столь драгоцѣнна всѣмъ Французамъ. Аршамбодъ слѣдовалъ по стопамъ своего предмѣстника: имѣя равную любовь къ своему Государю и къ Отечеству и равное некорыстолюбіе, обладалъ всѣми дарованіями, сопряженными съ сею должностію. Укоряли его пышностію и роскошью, приличествующими окружать престолъ. Онъ являлъ себя монархомъ; а Кловисъ носилъ только на себѣ титулъ онаго. Подъ его владѣніемъ учини-

---

дѣтеля всего народа. Клотарій II былъ виновникомъ сего пагубнаго смятенія потомству: онъ утвердилъ на всегда сію должность, которая учреждена была только на нѣкоторое время. Маиры насиліемъ погубили фамилію Тіерсковъ; но за нѣе отмстили. Потомки Клотаріевы свергнуты были съ престола дѣтьми оныхъ, съ которыми они почти власть царствованія дѣлили. Паскіеръ на сей случай приличное сдѣлалъ изреченіе: *Богъ отмстилъ Королевской фамиліи.*

учинилось сїе плачевное нестройство, которое было конечнымъ послѣдовано разрушенїемъ рода Маровенжїановъ. Слабое правленїе и неспособность сего Государя заставляли называть его самымъ нерадивымъ изъ всѣхъ королей. Онъ первой изъ нашихъ Государей, которой (4) ѣздилъ въ колесницахъ быками запряженныхъ, каковыя

(2) Аршамбодъ и проч: Ершїоналдъ, Ершевалдъ, или Аршамбодъ; онъ владѣлъ, (говоритъ Аббатъ Велли) болѣе какъ самодержецъ, нежели министръ.

(3) Эга и проч: Сей Маиръ, по свидѣтельству тогожъ Автора, былъ зерцаломъ мудрости и вѣрности. Дагобертъ лѣжа на смертной постелѣ, препоручилъ ему жену свою и съ сыномъ; онъ достоинъ былъ сей довѣренности отъ своего Государя: не менѣе того заслуживалъ онъ похвалу, примиряя людей частныхъ, спорящихъ о прибыткѣ.

(4) Ѣздилъ въ колесницахъ и проч: Сїи колесницы были сдѣланы на подобїе одноколки, которая называлась Бастерною, и въ нее впрегались быки.

вымя всегда употреблялись только для Королевъ.

Аршамбодъ имѣлъ великое число служителей. Между невольницами его не трудно было отличить одну молодую особу, которая во время язычества могла бы причесться къ Граціямъ. Цѣломудріе ея присоединялось къ сіянію красоты ея. Она купно съ любовію внушала къ себѣ и почтеніе; казалось, что природа нарочно украсила чело ея, дабы носить вѣнецъ царской. Живность и томность являлись въ очахъ; прелести изливались на устахъ ея; благородство, пріятность, чувствительность и добродѣтель блистали на лицѣ ея; власы лучшаго цвѣта, брошенные по плѣчамъ, открывали бѣлизну ея тѣла; стройной же и величественной станъ ея приводилъ во удивленіе. Батильдѣ тогда было съ небольшимъ четырнатцать лѣтъ. Датскіе морскіе разбойники, во время замѣшательства

ва

ва въ Англіи, похитили ее еще отъ колыбели и привезли съ отцомъ невольницею. Сіи невольники, опредѣленные по обыкновенію на продажу, куплены были нѣкоторымъ Аршамбодовымъ офицеромъ, для услуженія его начальнику. Едмонду препоручено было надзираніе надъ садами, а Батильда какъ подросла, опредѣлена была къ наливанію питья во время кушанія.

Емма, почти ровестница Батильдѣ, и приведенная въ рабское состояніе, искала ея дружбы. Сіи двѣ молодыя особы часто бывая вмѣстѣ въ садахъ и чертогахъ, сообщали другъ другу небольшія приключенія паче дружбу ихъ умножающія. По прошествіи нѣсколькихъ дней онѣ стали не столь откровенны. Емма воздыхала, и подобные ей вздохи испускала и ея подруга. Онѣ другъ на друга взирали, потупляли глаза, и казалось боялись вопросить; Емма на конецъ прервала обремене-

няющее ее молчаніе — Что съ тобою сдѣлалось, дражайшая Батильда? — Я тебя о томъ же хочу спросить. . . . Куда дѣвалась твоя веселость? — Я не печальна. . . . Но ты мнѣ кажется грустишь и задумаваешся. — Я! Задумываюсь! . . . Ничего не бывало. . . — Однакожъ неволя наша намъ не тягостна. . . . Аршамбодъ. . . — Аршамбодъ? . . . . милостивой господинъ. . . . я съ удовольствіемъ ему служу. Одноголь ты со мною мнѣнія? — Правда, что Аршамбодъ. . . . онъ къ намъ благосклоненъ. . . . прощай Емма, я побѣгу къ батюшкѣ.

Батильда осталась одна, льститъ себя тѣмъ, и удивляется сему чувствованію.

Едмондъ засталъ ее въ семъ смятеніи, которое она и сама отъ себя скрывать старалась. Любезная дочь, сказалъ онъ ей съ родительскою горячностію, ты печальна? Я не вижу въ тебѣ той веселости, которая рабство мое

не

не столь гнуснымъ мнѣ представляло! . . . А! батильда, мнѣ надлежитъ чувствовать всю тяжесть сего состоянія. Естьлибъ ты знала, . . . кому должна своимъ рожденіемъ! [сіе извлекло изъ него тяжкой вздохъ.] Я невольникъ! Я! . . . Надлежитъ сносить мой жребій. Вмѣсто того, чтобъ оскорблять, утѣшай меня, воспоминай мнѣ мать свою. . . . свою мать. . . . Сіе сказавъ Едмондъ проливалъ слезы. . . Вы плачете, батюшка.— Ты плакать меня заставляешъ— Я кромѣ вашей, никакой другой печали не имѣю: рожденна почти въ неволѣ, должна привыкнуть къ сему состоянію. . . . — Которое всегда уничтожаетъ. . . .—Вы никогда не открывали мнѣ какого вы чина. . . . Вы мой родитель, примолвила батильда обнявъ его, сего имени для меня довольно; а я ваша дочь, дочь послушная, любящая васъ; впрочемъ чту ваше молчаніе. . . . — Что нужды

до прошедшаго? батильда. . . . Мы въ окавахъ. . . . Мы служимъ: вотъ ужасный предметъ глазамъ нашимъ! Несчастія мои сократили жизнь мою; ты одна, любезная дочь моя, удержала до сего часа, последнее мое издыханіе: да, для тебя единой терпѣливо сносилъ я жизнь и свою неволю. Ахъ! чего не дѣлаетъ любовь родительская! Но я чувствую. . . . что скоро ты лишишся отца. . . . и я оставлю тебя безъ сродниковъ. . . . безъ помощи. . . . въ рабствѣ. . . . Дочь моя! я тебѣ одно только хочу сказать слово: памятуй, что добродѣтель есть перьвѣйшее благо, и достоинство, вдохновеніе которой батильда должна полагать основаніемъ и самыхъ малѣйшихъ ея дѣйствій. . . . Ты мятешся, дочь моя — Нѣтъ родитель мой. . . . Я не учиню себя васъ недостойною: ктобъ вы ни были, вы для меня почтеннѣе всѣхъ на свѣтѣ: вы добродѣтельны, и вы терпѣть

умѣете

умѣете.... Родитель мой!... я вамъ подражать буду.... По крайней мѣрѣ дочь ваша.... умереть можетъ. Но какимъ вы поражаете меня ударомъ! Восхититъ ли васъ смерть изъ рукъ моихъ? Ахъ! Живите для несчастной Батильды, чтобъ быть любиму ею.... Подкрѣпляй меня, родитель мой, своими совѣтами, своими примѣрами.... Едмондъ прижималъ ее къ своей груди, и Батильда пошла исполнять домашнія должности.

Аршамбодъ часто подчивалъ чиновныхъ людей Франціи. Всякое такое пиршество было торжествомъ красотѣ молодой невольницы. Лестное для нее шептаніе предвозвѣщало прибытіе ея въ столовую комнату. Присутствіе ея обращало всѣхъ на нее взоры, а паче Ранульфа, вельможи Австразіенскаго, посланника Сигебертова при Кловисовѣ дворѣ. Аршамбодъ отличалъ его отъ прочихъ иностранныхъ, имѣя къ нему

отличную довѣренность. Милостивой государь, сказалъ ему въ одинъ день Ранульфъ, когда они вмѣстѣ гуляли, отдѣлясь отъ толпы придворныхъ, дозвольте мнѣ спросить, для чего при великолѣпіи такаго празднества, уподобляясь Кловису вы кажетесь ненаслаждающимся вашимъ благополучіемъ? Чего осталось желать вашему честолюбію? — Одно честолюбіе, Ранульфъ, не довольно учинить счастливымъ. .. Не ужель сердце ваше не ощущало другихъ движеній? Ранульфъ пребывалъ нѣкоторое время безъ отвѣтенъ. — Милостивой государь! вѣдаю я, что слава, народное почтеніе и дружба суть предметы нашихъ желаній — Ранульфъ, вы не говорите о любви? — Любовь! . . . Любовь. . . . [Ранульфъ пришелъ въ смятеніе; однакожъ продолжаетъ:] Ежели Аршамбодъ любитъ, такъ уже Аршамбодъ и любимъ. Кто можетъ ему возпротивиться? . . .

Либо

либо вы не изъяснились точно, милостивой государь — Я молчалъ до сего времени, и лучше умру, нежели прерву молчанїе: не хочу употреблять власть мою. . . . Суди, долженъ ли я любить, пылать страстїю; предметъ сея горячности стоитъ мнѣ жизни. Сїя прекрасная невольница. . . . батильда, прервалъ Ранульфъ скоропостижно — Она самая: я ее подарилъ женѣ своей. Плектруда любитъ ее какъ родную дочь свою; а я, я привязанъ къ ней любовїю, которую мнѣ побѣдить не возможно. Не скрываю я всего того, что разсудокъ и должность противу полагаютъ мнѣ въ сей склонности; не таю я, что слабость моя предосудительна; что единая супруга моя достойна всей моей горячности. Знаю, Ранульфъ, свое заблужденїе; но не имѣю силы преодолѣть себя: образъ батильды, ея цѣломудрїе, красота, приятность, словомъ все въ ней меня прельщаетъ, наполняетъ сердце

мое. Не рѣдко покушался я, съ нею изъясняться; я ее вижу; почтенiе и страхъ заграждаютъ уста мои; молодая дѣвочка, невольница, приводитъ въ трепѣтъ Маира Двора Невстрiйскаго. Когда она подастъ мнѣ пить, краска ея, ея смятенiе меня обольщаютъ; взоры мои ищутъ ея взоровъ, и она отворачивается вздыхая. Съ нѣкотораго времени она подходитъ ко мнѣ съ большею робостiю. . . . Нѣтъ; я не хочу властiю употребить во зло ея состоянiе; мнѣ не извѣстно, кто они таковы: Едмондъ упорствуетъ открыть мнѣ о своей судьбинѣ. . . . Ктобъ они ни были, они мнѣ служатъ, и я долженъ защищать ихъ, долженъ паче чтить добродѣтели Батильдины; честь повелѣваетъ мнѣ, снять съ нихъ оковы и учинить ихъ вольными; здѣсь будутъ они привязаны моими только благодѣянiями. . . . Я думаю, Ранульфъ, что вы похвалите мое намѣренiе! — Познаю, милостивой государь, достойнаго преемника

преемника Эгова: но прикройте завѢсою причину васЪ кЪ тому побуждающую; сохраните Плектруды огорченїе, имѢть совмѢстницу: чтобЪ одно великодушїе внушало вЪ васЪ освобожденїе сихЪ двухЪ невольниковЪ; почтитесь наипаче, милостивой государь, преодолѢть страсть.... Аршамбодъ взглянулЪ на него сЪ смущенїемЪ — РанульфЪ!... НѢсколько минутЪ прежде ты не такЪ строгЪ былЪ!

Они расстались оба возмущены, ревнивы, и смертельно влюблены вЪ Батильду.

Емма опять сошлась сЪ своею приятельницею — Мы однѢ, дорогая Батильда! АхЪ! КакЪ нетерпѢливо желаетЪ сердце мое вЪ твое проникнуть! МнѢ нужны твои совѢты, твоя дружба и сожалѢнїе; душа моя вся тебѢ открывается. [Она ее обнимаетЪ и глядитЪ на всѢ стороны.] Батильда! ты одна меня здѢсь слышишь.... ЖалѢй о другѢ

 своемЪ.

своемъ. . . По томъ проливаетъ слезы. батильда съ своей стороны увѣряетъ, что чистая душа ея тронута, она ее утѣшать желаетъ. Емма отвѣтствуетъ: Уже познала я причину меня возмущающую. Проникла въ движенія моего сердца, и въ мысли свои, различествующія отъ тѣхъ невинныхъ, которыя присоединяютъ меня къ дражайшей батильдѣ! . . . . Я любовь чувствую, и буду ей несчастною жертвою! . . . . Тогда слезы ея усугубились. Любовь, сказала батильда съ нѣкоторымъ безпокойствомъ! —Сильнѣйшую. . . . Порочную. . Я преступаю добродѣтель благодарности, и все на свѣтѣ: Плектруда наполняетъ меня благодѣяніями; она извлекла меня изъ гнуснѣйшаго рабства, взявъ къ себѣ; учинила неволю мнѣ приятною; что говорю я? . . . Она удостоила меня своею дружбою, ввѣряя мнѣ сокровенныя свои мысли; а я дерзаю любить. . . . (Ем-

ма взираетъ на Батильду, которой любопытство кажется летитъ на встрѣчу тому, что отъ нее услышить хочетъ]. Повѣришьли ты, другъ добродѣтельной! что супруга ея, моего повелителя. . . . Аршамбода я люблю. . . . Ты любишь Аршамбода, вскричала Батильда! . . . . Съ возхищенїемъ, повторила Емма; тѣмъ сильнѣе, что стараюсь сокрыть въ груди своей страсть сїю причиняющую мои мученїя.... Онъ тебя любитъ ли, спросила Батильда дрожащимъ голосомъ? — Все обнадеживаетъ, что онъ меня любить будетъ. . . . Ты оставляешъ меня Батильда! Ты меня покидаешъ! Признаюсь, что сїе открытїе оскорбляетъ твое благоразумїе: но сжалься надъ другомъ своимъ. . . Подкрѣпи меня. . . . Она меня слушать не хочетъ! Она отъ меня бѣжитъ! Увы! добродѣтель должналь быть столь немилосерда? Не еяль должность помогать, несчастному

му человѣчеству, и таковая страсть не крайнеель злополучїе? Ахъ! батильда, батильда, можетъ быть не всегда ты будешъ столь нечувствительна? Придетъ время, въ которое собственнымъ своимъ сердцемъ испыташъ ты, сколь мое страждетъ! Жестокой другъ! . . . Мнѣ отмстится.

Аршамбодъ воспламеняясь вседневно болѣе, примѣтилъ, что она старается убѣгать его; будучи съ нимъ вмѣстѣ сохраняла она больше скромности и приличїя: случалось ли когда Аршамбоду, приходить къ Плектрудѣ, батильда искала случая вонъ вытти; ни одно ея движенїе не скрывалось отъ проницанїя ея любовника. Онъ встрѣтилъ Ранульфа близко покоевъ батильды и отца ея. Имѣя уже на него подозренїя, не сомнѣвался болѣе, что бъ не любовь препровождала въ мѣста сїи вельможу Австрязїенскаго, и чтобъ онъ не любимъ былъ батильдою

тильдою. Тогда Аршамбодъ послѣдовалъ ярости отъ ревности происходящей: онъ приведя себѣ на мысль знатность своего чина, возвратился назадъ, говоря въ глубинѣ своего сердца: Ощутительны мои несчастія; батильда любитъ, но меня презираетъ, и Ранульфъ мнѣ предпочтенъ! Ранульфъ любимъ! . . . Я хотѣлъ освободить ихъ! Ахъ! Пускай они пребудутъ подлѣйшими моими рабами; пускай мучатся въ тягостной работѣ. . . . Удалимъ батильду отъ глазъ моихъ; удалимъ ее . . . . Навсегда. . . . Удалить батильду отъ глазъ моихъ, когда она съ толикою силою владычествуетъ надъ моимъ сердцемъ; когда зракъ ее столь глубоко въ ономъ запечатлѣнъ! Препровести единый день, день цѣлый, не имѣя удовольствія ее видѣть, въ тайнѣ обожать ее! . . Ее оскорбить, умножить бремя ея рабства, заставить проливать слезы. . . Слезы батильдины! . . . Могуль

гуль я о томъ подумать? Когдабъ она и была любима Ранульфомъ, когдабъ сама взаимно его любила, долженъ ли я позабыть то, что не льзя предположить законовъ ея сердцу? Мнѣ ль хотѣть мучить сердце батильдино! Мнѣ, которой не властенъ повелѣвать своими чувствованїями! Она предпочитаетъ мнѣ Ранульфа! Сїе преимущество должноль приводить меня во удивленїе? Величестволь любви достойно? Невольница въ глазахъ моихъ не болѣель имѣетъ приятностей, нежели всѣ владычицы земныя?... Освобожу ихъ; можетъ быть благодарность внушитъ то, чего любовь произвести не могла: батильда добродѣтельна; добродѣтель великодушна; она будетъ чувствительна къ моимъ благодѣянїямъ.

Аршамбодъ повелѣваетъ привести предъ себя Едмонда; онъ предстаетъ — Едмондъ! я тебя освобождаю, тебя и дочь твою!... Ты плачешь!... — Ахъ! милостивой государь,

сударь, простите мнѣ, что въ сїю минуту не отвѣтствую несказаннымъ вашимъ милостямъ. Я думалъ, что неволя была превосходящимъ всѣ несчастїя. Нахожу теперь, что есть еще сего жесточѣе . . . . Мы не можемъ возпользоваться вашимъ великодушїемъ, [примолвилъ онъ, проливъ токи слезъ]. Дочь моя . . . — батильда . . . . Ну ! — Милостивой государь ! . . . . Она кончается ! — батильда! . . — По видимому нѣсколько часовъ жить ей осталось . . . . Аршамбодъ чувствъ лишается ; одинъ изъ рабовъ его поддерживаетъ ; онъ опамятовался отъ сего огорченїя. — Надлежитъ мнѣ ее видѣть . . . . Надлежитъ видѣть батильду . . . . Едмондъ ! препроводи меня въ ея покой . . . . Пойдемъ . . . . [на дорогѣ вопрошаетъ его:] Отъ чего приключилась болѣзнь столь внезапная ? — Съ нѣкотораго времени, милостивой государь, она снѣдаема жесточайшею печалїю. . . Она любитъ

любитъ Ранульфа, вскричалъ Аршамбодъ въ душѣ своей. Ахъ! она его любитъ! Я употребилъ все, продолжалъ Едмондъ, прозбу, угрозы, жалобы: но ни чемъ не могъ довести до открытія мнѣ причины ея унынія, которое во гробъ сего дня ее гонитъ; нынѣшняго утра она много плакала, и безъ чувства упала ко мнѣ на руки . . . Да, милостивой государь, лишаюсь я послѣдняго утѣшенія въ свѣтѣ . . . . Дочь моя любезная! . . . . Аршамбодъ съ внутреннымъ сокрушеніемъ обълемлетъ Едмонда — Подлинно. . . . несносно лишиться батильды!

Они пришли въ ея комнату; Плектруда въ провожаніи своихъ служанокъ прибѣжала къ ней на помощь; она держала ее на груди своей на взничь лежащую; Емма хотѣла взять ее за руку: но казалось, что батильда противилась Еммѣ. Какое позорище для людей чувствительныхъ, для любовника! Сброшенное съ головы

покры-

покрывало; бѣлокурые разтрепанные волосы; чело красоты покрытое смертною блѣдностїю; прелѣстные глаза, столь дѣйствующїе надъ Аршамбодомъ, сомкнуты! Аршамбодъ приближась къ батильдѣ, закричалъ: батильда!... Голосъ сей привелъ ее въ движенїе, она открываетъ глаза, взираетъ на Аршамбода и Емму, и оттолкнувъ сїю послѣднюю, упадаетъ паки на руки къ Плектрудѣ. батильда нѣсколько спустя времени подаетъ руку своему отцу въ слезахъ утопающему. По томъ обратясь къ Аршамбоду, говоритъ ему, изпустя тяжкой вздохъ: Это вы, милостивой государь! и опущаетъ голову къ Плектрудѣ, изъявляя отчаянїе. Аршамбодъ принужденъ былъ итти по велѣнїю Кловиса его къ себѣ требующаго; онъ часто опять приходитъ, и приказываетъ стараться о батильдѣ, и выходя, съ трепѣтомъ подходитъ къ ней и говоритъ тихо: вы будите удо-

волыствованы. Тогда отецъ ея и Плектруда далеко отъ нихъ стояли.

Король разговаривая съ Аршамбодомъ, не рѣдко выхвалялъ Батильду; министръ преисполненъ горести, вкушаетъ нѣкую отраду, имѣя вольность плакать предъ своимъ государемъ; онъ съ жаромъ выхваляетъ ему прелести и добродѣтели Батильдины, и увѣдомляетъ его, что онъ ей и отцу ея даровалъ свободу. Кловисъ пленился ея прелестьми; онъ не рѣдко ее видалъ, отпускаетъ отъ себя Аршамбода, свидѣтельствуетъ ему свое благоволенїе, и къ тому присовокупляетъ: Аршамбодъ! по государствѣ, Батильда должна быть главнымъ предметомъ твоихъ попеченїй.

Многїе дни протекли въ страхѣ и слезахъ. Начавъ отъ Аршамбода и Плектруды до послѣдняго невольника, всѣ обожали Батильду; всѣ сердца прельщены были ея постоянствомъ, красо-

тою,

тою, а паче добронравїемъ: не было ни одного несчастнаго, которой бы отъ нее не требовалъ помощи, и когда она принуждена была отказать, то и отказъ ея наполненъ былъ благодѣянїя. Чрезъ нее Плектруда изливала на всѣхъ свои щедроты: батильда возбуждала въ ней сожалѣнїе о бѣдныхъ, и часто оставя нужныя упражненїя старалась утѣшать ихъ.

Аршамбодъ и супруга его не оставляли батильду. На конецъ она выздоровѣла; перестала она плакать; красота ея въ прежнюю пришла живность; остался только видъ унынїя, которой еще служилъ ей украшенїемъ. Первыя слова были произнесенны въ благодарность благодѣтельницы своей за освобожденїе ея отъ неволи. Нѣтъ, милостивая государыня, говорила она Плектрудѣ, цѣлуя у ней руку, батильда никогда не позабудетъ вашихъ милостей; она останется всегда вашею невольницею. По томъ взглянувъ

нувъ на Аршамбода, воздыхаетъ и смущеннымъ голосомъ продолжаетъ: но, милостивая государыня . . . . дозвольте мнѣ служить при васъ одной . . . . Я отъ васъ не буду выходить, какъ за тѣмъ только, чтобъ утѣшать старость моего отца равно со мною мыслящаго: онъ пребудетъ привязанъ къ вамъ благодарностїю. Плектруда ее обнимаетъ — батильда, ты моя не невольница, но другъ мнѣ, ты и Емма, которую я также освобождаю, вы будите прогонять мнѣ скуку подъ игомъ знатности претерпѣваемую; въ сердцахъ обѣихъ васъ будетъ моя довѣренность. Дочь моя! неизвѣстны тебѣ безпокойства, уязвляющїя слабыя утѣхи фортуною и степенью производимыя! дружба твоя мнѣ очень нужна. Но я говорю тебѣ о Еммѣ; я примѣчаю, что вы съ нею не такъ уже дружны: отъ куда происходитъ сїя холодность? Емма однакожъ искренно тебя любитъ;

битъ; она оказала тому опыты во время твоей болѣзни — Емма мнѣ мила, милостивая государыня. . . — Я хочу, чтобъ вы всегда были друзьями. Емма входитъ; Плектруда продолжаетъ: поцѣлуйтесь. Емма летитъ въ объятія батильды, которая повинуется и проливаетъ слезы; на конецъ одна съ отцемъ остается — Что ты сдѣлала, дочь моя? Мы освобождены, и еще въ сихъ мѣстахъ пребываемъ! все изображаетъ намъ нашу неволю; все представляетъ намъ безчестіе; рабство показываетъ едва прерванные оковы; а батильда еще сожалѣетъ! она дерзаетъ со мною раздѣлять стыдъ, свидѣтельствуетъ низкость своихъ мыслей, льститъ Плектрудѣ и Аршамбоду, что благодарность меня къ нимъ привяжетъ! Ахъ!... Я лишился дочери! дочь моя перваябъ должна была поспѣшать къ отъѣзду, дочь моя должнабъ предпочесть жилище темное, шалашъ,

шалашъ, пустыню убѣжище вольности, симъ великолѣпнымъ чертогамъ, гдѣ слышно еще бренчанїе оковъ нашихъ! Ползай, служи, почитай своихъ повелителей; а я уйду, уйду одинъ умереть въ отдаленномъ отъ сихъ несносныхъ мнѣ жилищъ мѣстѣ; въ отдаленїи отъ дочери . . . . недостойной ея рожденїя! Ахъ! подлая Батильда! подъ такимиль предлогами познаешь ты мать свою? Сколь она счастлива, что нѣтъ ее на свѣтѣ! — О родитель мой! ты мнѣ пронзаешь сердце, когда примѣтилъ ты во мнѣ чувствованїя несоотвѣтствующїя благородству вашихъ? я думала, что безъ стыда можемъ мы составлять число живущихъ при Аршамбодѣ и Плектрудѣ. Какая осталась намъ надежда? безъ денегъ какъ вы проведете дни ваши? — Я буду раздирати земли недра, орошу ее потомъ, и въ ней найду пищу къ подкрѣпленїю несчастной жизни нашей. Мы не будемъ въ

рабствѣ: [онъ обнимаетъ дочь свою съ чувствительною досадою;] мы будемъ вольны! я уже тебѣ сказалъ; но вижу, что безпокойство тебя терзаетъ: вотъ что виною твоей болѣзни. . . . Дочь моя. . . . Ранульфъ всегда за тобою слѣдуетъ? . . — Ранульфъ? родитель мой! — Ты не вѣдаешъ . . . . Ты должна любить только вольность, добродѣтель, честь. . . . твое достоинство. . . . Я нѣкогда увѣдомлю о твоихъ правахъ и должности; сноси несчастіе, пользуйся благолѣяніемъ Аршамбодовымъ и убѣжимъ палатъ сихъ — Я готова тебѣ повиноваться, родитель мой, я за тобой послѣдую. . . . Да. . . . я послѣдую за тобою. . . . мы на всегда разстанемся съ Аршамбодомъ.

Сказавъ сіи послѣднія слова, Батильда проливала слезы, и отецъ ея пошелъ приготовляться къ отъѣзду.

Аршамбодъ между тѣмъ отдавшися размышленію, не могъ

рѣшиться на жертвованіе, которое великодушіе его отъ него требовало. Надлежитъ, говорилъ онъ самъ себѣ, опровергнуть. . . . уничтожить. . . . склонность услаждающую жизнь мою. . . . Чтобъ я вручилъ батильду другому! чтобъ Ранульфъ обладалъ ею! а я буду свидѣтелемъ утѣхи моего совмѣстника! Но ежелибъ батильда не любила, онабъ была равнодушна, ненавидѣлабъ всѣхъ мущинъ! . . . . но лишь я одинъ презрѣнъ; она не можетъ скрыть любви своей къ Ранульфу; она отказываетъ мнѣ даже до того, чтобъ быть мнѣ благодарною и сожалѣть о мнѣ. Она презираетъ моими мученіями ею причиняющими. Увы! куда влекутъ меня желанія? батильда добродѣтельна, ей дозволено любить Ранульфа; Ранульфъ можетъ разполагать ея сердцемъ, ея рукою. . . . А я, я привязанъ къ женѣ, которую долженствую почитать, обожать. Ежелибъ Плектруда проникла

никла въ мою душу! . . . Принудимъ себя скрыть отъ нее мое преступленіе; соберемъ силы любить батильду. . . . для ее самой; будемъ надъ собою властители, чтобъ учинить ее счастливою; возведемъ ее на степень вышній; пускай я одинъ буду. . . несчастнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Аршамбодъ терзаемъ былъ любовію, ревностью, и отчаяніемъ. Одну минуту торжествовала добродѣтель и по томъ была покаряема. Онъ хочетъ говорить на единѣ съ Ранульфомъ, которой пришедъ находитъ Маира смущенна скорбію — Въ какомъ состояніи я васъ вижу, милостивый государь — Ранульфъ! ты долженъ знать дѣйствія любви! Имѣй откровенноогпь обѣихъ насъ достойную; помни, что ты другу своему открываешь свою душу. . . Ты любишъ батильду? — Милостовой государь! . . . — Не медли мнѣ признаться. — Милостивой государь! . . правда. . .

что я ее обожаю. . . Ты ее любишь, вскричалъ Аршамбодъ! О боже! . . . прости Ранульфъ сему невольному движенію: онъ присовокупляетъ къ тому голосомъ отъ страха прерывающимся. . . . и . . . . она тебя любитъ? — Я о томъ неизвѣстенъ, милостивой государь; но все ей свидѣтельствуетъ о моей къ ней страсти. Аршамбодъ проливая слезы и бросясь въ креслы—Ранульфъ! она тебя любитъ; я не могу болѣе сомнѣваться; но я превозмогу себя, преодолѣю. . . . себя предолѣю. Ты знаешъ, что я далъ ей свободу; ты хочещъ на ней женишься? — батильда, милостивой государь, добродѣтельна, чтобъ принять иную жертву—Конечно, она добродѣтельна, и я оскорбляю ее столь предосудительнымъ пламенемъ. Ахъ! представляй мнѣ мою должность, мое заблужденіе; скажи мнѣ. . . . что я не могу любить ее. . . . — Вы удостоили меня, милостивой государь, своею

своею довѣренностiю; совмѣстникъ вашъ объ васъ жалѣетъ, любитъ васъ и купно съ вами проливаетъ слезы... Ежели вамъ угодно, я буду жертвовать. . . . моею любовiю — Нѣтъ, Ранульфъ, нѣтъ, женись на Батильдѣ; я самъ. . . я самъ за тебя ей говорить буду; ты познаешь своего друга — Я не знаю кто ея родители: но Батильда. . . не иначе какъ знатной природы. . . —Ранульфъ! ея добродѣтели, ея приятности не превосходятъ ли всѣ пышные титулы? Батильда для того рождена, чтобъ владычествовать надъ твоимъ сердцемъ, надъ цѣлымъ свѣтомъ: какая Королева сравняется съ Батильдою? Видишъ ли мое смятенiе, мое отчаянiе? Ступай, ты будешъ доволенъ; хотябъ мнѣ то и смерти стоило, я обѣихъ васъ учиню счастливыми. . . . я то учиню. . . . Оставь меня; я желалъ бы скрыть самъ отъ себя ужасной безпорядокъ моего разсудка, всѣхъ чувствъ моихъ. [Ранульфъ уходитъ]. Ну!

 довольно

довольно я самъ себя предалъ? я обѣщалъ. . . . тысячу кратъ тяжелѣ лишенія жизни. Сіе уже подлинно! онъ ее любитъ! . . . онъ любимъ ею! не возможно мнѣ сомнѣваться! Несчастный Аршамбодъ! неизвѣстность уже и слабая сія утѣха отказана. Ахъ! сердца зараженныя ревнованіемъ моему величеству, престаньте мнѣ завидовать: когдабъ воззрѣли вы на мою душу, сколькобъ вы возвеселились моимъ мученіемъ.

Батильда встрѣтясь съ Еммою, бросилась къ ней въ объятія, плача. — Любезная Емма! . . . я тебя оставлю! — Что ты мнѣ говоришь? — Родитель мой получа свободу, твердое положилъ намѣреніе, удалиться отсюда, и меня беретъ съ собою; я оставляю. . . . на всегда Плектруду. . . . Аршамбода. . . . Аршамбода. . . . котораго благодѣянія. . . Емма! сколь я достойна сожалѣнія! — Извѣстноль имъ намѣреніе Едмондово? — Я думаю, что они

еще

еще о томъ не вѣдаютъ — Они васъ не отпустятъ — Емма! мнѣ надобно за отцемъ своимъ слѣдовать; я должна. . . . рыданія пресекли рѣчь батильдину — Плектруда того не захочетъ! батильда! гдѣ ты найдешъ столько сердецъ тебѣ преданныхъ? Они не господа наши, но друзья искренные. . . Я не говорю тебѣ о печали разлукою съ тобою мнѣ причиняющейся; твое благоразуміе. . . мое благоразуміе, продолжалаа Емма, воздохнувъ. — Ово мнѣ нужно; отъ тебя одной ожидаю я помощи противу себя самой. Помоги мнѣ избавиться отъ страсти. —Чинившей меня преступницею въ собственныхъ глазахъ моихъ — Всегдаль онъ тебя любящимъ кажется? — Я хочу отвергнуть все, что питаетъ страсть сію. . . . Какъ ты счастлива, драгая батильда! Ты не знаешъ любви. — Я ее не знаю! . . . батильда остановясь на семъ словѣ, продолжаетъ — Емма. . . . Отъѣздъ

 сей

сей причинитъ смерть мнѣ; скажи моему прежнему господину. . . . Онъ всегда будетъ. . . . Емма. . . . мои оковы непрерваны. . . .

Она хотѣла продолжать, но невольникъ съ смятенїемъ къ ней прибѣжалъ — Поспѣшите за мною слѣдовать; отецъ вашъ умираетъ. . . — Мой отецъ! — Едмондъ: кабанъ бѣгущей отъ охотниковъ на него бросился, и смертельно уязвилъ. Емма поддерживаетъ батильду чувствъ лишенную. На силу она опамятовалась, и усиливается итти, опершись на невольника; она пришедъ, находитъ Едмонда въ крови плавающаго. О родитель мой! вскричала она, и упала къ ногамъ его. — Опомнись дочь моя, воспользуемся минутами, жить мнѣ оставшимися; ты оплачешь меня умершаго. Выслушай меня, когда еще сердце мое о твоемъ сожалѣть можетъ; душа моя держится только для тебя единой, только въ пользу дражайшей моей батильды. . . .

Не

Не скрою отъ тебя моего состоянія, дочь моя: я умираю, и мы навсегда разлучаемся; приими послѣдния чувствованія нѣжнаго родителя. Твоя степень, твое произхожденіе еще тебѣ не извѣстны; тайна сія тебѣ откроется; я хочу сдѣлать Аршамбода участникомъ оной; въ его руки я тебя, дочь моя, препоручаю . . . — Родитель мой! . . — Я знаю Аршамбода; честность его увѣряетъ меня, что онъ будетъ тебѣ подпорою, что онъ заступитъ мое мѣсто; онъ не презритъ несчастную. Ты останешся при Плектрудѣ, когда небу угодно, чтобъ ты жила въ мѣстахъ сихъ, напамятованіяхъ злополучія нашего; можетъ статься сіе есть благодать его; услышанное тобою внушитъ въ тебя гордыню, и чертоги сіи непрестанно изображать будутъ тебѣ наше паденіе, оковы наши. Каковабъ ни была твоя судьбина, Батильда, памятуй, что добродѣтель есть

 первое

первое достоинство. Все титлы увядают, преходят; дочь моя... ты то испытала: но хищники наши не могли исторгнуть из нас величество души нашей: мы сохранили сіе драгоценное сокровище под игом рабства, под гнусностію бедности: сіе высокомысліе, сія души гордость, которую ничто унизить не может, вот что предки тебе оставили достойнаго обладанія. Паче всего памятуй, что слабости к полу твоему присоединенныя не достойны Батильды; мало мущин имеют право получить тебя в супружество; сіе открытіе для тебя довольно. Повелевай душе своей, покарять все движенія подлым душам свойственныя. . . . Обещай мне не любить Ранульфа. — Ранульфа!... Я уже вам сказывала, дражайшій родитель, ... он для меня противен. . . гнусен — Довольно сказано тебе, дочь моя любезная, о твоей должности; я несу с собою во гроб пріятное во-

воображенїе, что ты будешь меня достойна; обьими несчастнаго отца твоего.... Поди, оставь меня на нѣсколько времени; я ожидаю сюда Аршамбода.... ты послѣ приди.... приими послѣ мои воздыханїя.

Емма издали шла за своею подругою; она принимаетъ ее въ свои обьятїя и смѣшиваетъ свои слезы съ ея слезами. батильда погружена была въ глубочайшую печаль.

Аршамбодъ пришелъ къ Едмонду. — Простите, милостивой государь, что я сюда просилъ васъ. — Едмондъ! ты уже мой не невольникъ, ты воленъ; и когдабъ ты не былъ несчастливъ, я и тогда имѣлъбы о тебѣ уваженїе.... Ты отецъ батильды; [со вздыханїемъ Маиръ дворца произнесъ имя сїе;] состоянїе твое меня трогаетъ, продолжалъ онъ; я постараюсь о твоемъ излѣченїи. Едмондъ.... Ты мнѣ дорогъ. — Милостивой государь! чувствительны мнѣ ваши

милости: но не упоминайте о моемъ выздоровленіи; мечта жизни уже для меня кончилась; я желалъ присутствія вашего для сообщенія вамъ важнѣйшей тайны — Ты можешь мнѣ открыть ее; ты препоручишъ ее моей дружбѣ и честности. — Не сомнѣваюсь, милостивой государь, о вашей честности, и не хочу имѣть другаго свидѣтельства; дружба ваша мнѣ лестна. Но вы меня знали. . . . подъ видомъ подлаго невольника. . . . Вамъ неизвѣстно, какія руки носили ваши оковы. — Я угнѣталъ бы тѣмъ человѣчество, ежелибъ къ насыщенію своего любопытства употребилъ власть свою, желая свѣдать о твоей судьбинѣ. . . . о судьбинѣ дочери твоей: я чтилъ твое молчаніе. . . . Отецъ Батильды не иначе какъ знатнаго произшествія! — Я рожденъ, милостивой государь, съ тѣмъ саномъ, которому всѣ прочіе уступаютъ. . . . Вы видите. . . . вы видите несчастливѣйшаго

вѣйшаго человѣка, и одного изъ перьвыхъ Королей Англіи — Что слышу я, милостивѣйшій государь! О небо! для чего лишили вы меня, чтобъ отдавать вамъ досттодолжное мое почтеніе?... батильда дочь королевская — Монарха злополучнѣйшаго. Выслушайте ужасныя мои превратности, и судите, терпѣливо ли я сносилъ ихъ.

Едмондъ востаетъ, опирается на руку, и продолжаетъ, собравъ свои силы:

Да, милостивой государь, престолъ былъ колыбель моя. Прадѣдъ мой Етельбертъ Король Кентской; а я сей несчастный Ерменфредъ... — братъ Еркомбертовъ! — Тотъ самой, я, котораго сей беззаконный братъ принудилъ оставить свое государство; наруша права мнѣ принадлежащія, возложена на главу его моя Корона; слава склонилась къ сторонѣ несправедливости и насилія; все мнѣ измѣнило; все служило

жило сторонѣ Еркомбертовой! Я видѣлъ, милостивой государь, передъ глазами моими жену мою заколоту.... двухъ дѣтей наслѣдниковъ моего Скиптра, которые безъ сомнѣнія отмстили бы за отца своего! Единая Батильда осталась; невольникъ намъ преданный сохранилъ ее отъ поисковъ нашихъ гонителей. Мои сообщники.... уменя ихъ уже больше не было, я былъ несчастилъ: гусадарь приведенной въ злополучїе, не различествуетъ отъ послѣдняго подданаго. Я сокрылся въ Шотландскія горы, неся на рукахъ дочь свою; пещера служила намъ убѣжищемъ! Первые взоры батильдины узрѣли предметъ ужаснаго ея паденія; въ несчастіяхъ и мученіяхъ, въ бѣдности воспитана дочь королевская. Колико кратъ оплакивалъ я ея судьбину! воспоминая, сколь рокъ мой не преоборимъ... Любовь родительская и мщеніе были двѣ страсти, подкрѣпляющія дни мои меня воспламеняю-

пламеняющїе; я не могъ удовольствоаатьcя одною, а другою слабо насыщался. . . Дочь моя была невольница, вы сняли съ нее оковы: но она не королева, и я умираю безъ сея надежды. Я оставляю ей одно только бытїе и примѣръ непоколебимой добродѣтели. Не довольно было, что лишился я престола, фамилїи, и надежды, взойти на степень моихъ предковъ и наказать брата виновнаго; я оставленъ еще на новыя мученїя. Кажется, что фортуна не насытилась моими страданїями моею униженностїю; лишила еще той пещеры, которую раздѣлялъ я съ звѣрями дикими, меньше свирѣпыми, нежели Еркомбертъ. Морскїе разбойники вышедъ на берегъ, извлекши насъ, меня и дочь мою, изъ сего необитаемаго жилища, тащили окованныхъ на корабль свой, гдѣ продали насъ какъ подлѣйшихъ людей; одинъ изъ офицеровъ вашихъ купилъ насъ. . . Мы служимъ! . . . [Сїе слово принудило

нудило Едмонда заплакать.] Въ ту самую минуту, въ которую вы насъ уволняете, услышалъ я, что хищникъ мой умеръ, и что насильственное владѣнїе раздѣляютъ сыновья его; я хотѣлъ итти туда съ дочерью, возставить законъ, возбудить ревность въ сердцахъ своихъ подданныхъ, и испытать, остались ли еще мнѣ друзья? . . . А я умираю! Небо противу меня гнѣвно, оно препятствуетъ счастїю Батильды! Я всегда скрывалъ отъ нее родственниковъ ея, и природу ея: я опасался, чтобъ нескромность не подвегнула ее ярости брата моего и дѣтей его. Остается благоразумїю вашему со временемъ открыть ей сїю тайну — Милостивѣйшїй государь! не ужель мало знали вы Аршамбонда, что колебались открыть ему о своемъ состоянїи? Вы мои невольники! Вы рожденны быть предметомъ моихъ почтительныхъ старанїй! . . . Батильдѣ повелѣвать

дол-

должно. . . . — Вы знаете, Аршамбодъ, что политическіе интересы соединяли Кловиса съ вѣроломнымъ Еркомбертомъ; я имѣлъ всего опасаться, ввѣрясь Двору Невстрійскому; я хотѣлъ лучше унижать себя, ползать въ раболѣпіи; видите, сколь мила мнѣ дочь моя, надлежало сберечь дни ея. . . . Она живетъ; удостойте имѣть равное моему объ ней попеченіе. — Государь! ничто не сравняется съ моимъ почтеніемъ. . . . любовью. . . Да кто не будетъ обожать батильду? Едва Аршамбодъ самъ себѣ не измѣнилъ; но продолжаетъ: ея добродѣтель. . . — Ея добродѣтель, ежель вы ее не подкрѣпите, недовольна сильна, чтобъ защититься противу сѣтей ея сердца и молодости; супругъ ея долженъ быть государь, или равной ему вельможа, которой бы, какъ вы, имѣлъ право на первѣйшемъ степени престола; [Аршамбодъ не могъ удержать вздоховъ.] — Чтобъ

она

она была другъ, дочь великодушной Плектруды; паче всего недопускайте, что бъ Ранульфъ. . . —Онъ, государь, на ней не женится. . . . . никто. . . . Батильда содержана будетъ съ достодолжнымъ ей уваженiемъ . . . . Не сомнѣвайтесь о томъ. Но позвольте мнѣ васъ оставить; я хочу, чтобъ вы перенесены были въ мои покои. . . — Благодарю васъ, Аршамбодъ, за ваши попеченiя; онѣ могутъ открыть тайну , вамъ одному извѣстною быть довлѣющую. . . . Я умру и здѣсь. Какое великолѣпiе нужно мнѣ въ сiю минуту? Увы! сороколѣтнее огорченiе не научилоль меня знать, что я человѣкъ, и что премѣна мѣста весьма не нужна для испускающаго послѣднiя издыханiя? Сохраните милости ваши къ моей дочери. . . . Пусть придетъ она сомкнуть глаза мои.

Аршамбодъ растается съ Едмондомъ , скрывая отъ него свою прискорбность; онъ встрѣчается со

многими

многими невольниками, и неможетъ воздержаться, чтобъ не сказать имъ: я хочу, чтобъ все уваженіе оказано было батильдѣ; чтобъ ее почитали. . . . ей повиновались; по Плектрудѣ. . . . она преподавать вамъ должна законы . . . [батильда идущая къ отцу своему встрѣчается его взорамъ]. . . . Да, продолжалъ Маиръ дворца, все въ сихъ мѣстахъ. . . . сударыня. . . . вамъ должно быть послушно, и слѣдуемо моему примѣру; ваше состояніе меня трогаетъ. . . . батильда! . . вѣрь, что Аршамбодъ чувствуетъ всѣ ваши несчастія, и. . . . хотѣлъ бы удовлетворить ихъ.

Онъ ее оставляетъ, но скрытно самъ предъ собою извиняется, сказавъ ей много. батильда съ своей стороны, не смотря на свое отчаяніе, поражена была словами Аршамбодовыми: но смыслъ оныхъ былъ ей не извѣстенъ. Всѣ ея размышленія уступили мѣсто жесточайшему позорищу ее сразившему;

шему; она застала уже умирающаго Едмонда, которой едва имѣлъ силу подать ей свою руку, и упалъ по томъ къ ней во объятія, не могши ничего вымолвить.

Плектруда старалась утѣшать Батильду и служила ей вмѣсто матери; Аршамбодъ открылъ тайну женѣ своей о природѣ дочери Едмондовой, и подъ симъ предлогомъ скрылъ отъ глазъ Плектрудиныхъ старанія о Батильдѣ имъ прилагаемыя. Страсть его умножалась, не смотря на сопротивленія, которыя онъ къ истребленію ее прилагать старался. Ранульфъ хотѣлъ припомнить ему его обѣщаніе; Аршамбодъ не утаилъ отъ него, что все перемѣнилось, и чтобъ онъ на всегда отказался отъ Батильды, прибавя къ тому, что причины со временемъ открыться имѣющіяся препятствуютъ сему браку. Ранульфъ въ отказѣ придворнымъ Маиромъ учиненномъ, не усматривалъ другихъ причинъ кромѣ

ревности,

ревности, и принялъ намѣренїе мстить; онъ писалъ многїя письма къ батильдѣ, которая съ презрѣнїемъ къ нему обратно присылала.

Она живучи всегда съ Плектрудою, убѣгала случаевъ говорить съ ея супругомъ; смерть Едмондова произвела въ ней унынїе; зракъ несчастнаго родителя не выходилъ изъ ея сердца; одна Емма раздѣляла съ ней ея слезы. Обѣ онѣ были предметомъ дружбы прежней госпожи ихъ.

болѣзнь жестокая пресекаетъ дни благодѣтельной Плектруды; она на конецъ скончалась препоруча батильду и Емму своему супругу. Смерть сїя принесла съ собою неожидаемыя перемѣны, давъ новой видъ состоянїю Маира придворнаго. Перьвыя минуты посвятилъ онъ на справедливыя сожалѣнїя: въ самомъ дѣлѣ Плектруда того была достойна, будучи съ материной стороны королевской крови; къ высокой природѣ имѣла она добро-

добродѣтель и безприкладное добронравіе, заставляющее мужа, любить ее искренно. Новая страсть его обемлющая, не замедлила одержать побѣду надъ его печалію: еще не минулъ трауръ, какъ уже сердце его готово было, отдаться стремленію чувствованій, и изтребить образъ его супруги. Галзонта, сестра Плектрудина, заступила ея мѣсто во дворцѣ Маирскомъ; она приняла на себя домашнее управленіе; Батильда и Емма пользовались при ней прежними преимуществами и уваженіемъ; онѣ нашли въ Галзонтѣ друга, котораго онѣ лишились.

Любовь ослѣпляла Емму: она видѣла себя свободную отъ преступленія и нареканія, причиненнаго смертію Плектруды; почитала себя любящею Аршамбодомъ; и словомъ сказать, льстилась правомъ его супружества. Сіе воображеніе безпрестанно ее обольщало. Драгая Батильда, говорила

говорила она, я уже могу отдаться склонности мною владычествующей. . . . сильнѣе, нежели прежде; я могу любить Аршамбода. . . . Не сомнѣваюсь, чтобъ и онъ не дѣлилъ со мною моихъ чувствованій. Ты не сомнѣваешся, прервала съ нетерпѣливостію Батильда? — Я сама примѣтила, что онъ ищетъ случая на единѣ со мною говорить. . . . Не опасайся, чтобъ я преступила добродѣтель примѣромъ утверждающуюся: [Батильда вздыхаетъ:] мнѣ дозволяется отдаться моей надеждѣ, любовь съ должностію сопрягающей; фамилія моя отлична была въ Турингѣ, моей отчизнѣ; я уже не невольница. Впрочемъ, взираетъ ли любовь на чины и пышность? Не представляетъ ли намъ примѣръ Монархъ (5) Шеребетъ, которой женатъ былъ на дочеряхъ

В работ-

---

(5) Шеребетъ Король Французской, сынъ Клотарія I, женатъ былъ сперьва на Мирофредѣ и Маркрефѣ дочеряхъ

работника шерстянаго? Венеранда, перьвая жена Гонтранова, низкой была природы, и отецъ ея служилъ во дворцѣ. благоразумїе не сопротивляется лестнымъ моимъ мыслямъ. . . Но что я вижу? Ты блѣднѣешъ! . . . батильда изнемогаетъ и чувствъ лишается: Емма старается помогать ей. Это ничево, сказала ей батильда пришедъ въ память; твоя помощь. . . Ахъ! не старайся о моей жизни, она будетъ мнѣ цѣпью безконечныхъ напастей — Ты плачешъ батильда! — Я плачу. . . Емма . . . . это слѣдствїе моего обморока! . . . . Я несчастна! . . . Емма! . . я тебя оставляю. . . . мнѣ надобно спокоиться. . . . Отходя примолвила: онъ никогда не будетъ въ моемъ сердцѣ!

На конецъ Аршамбодъ принялъ намѣренїе внимать любьви, лишасъ

шерстянаго работника, а по томъ на Теупельжадѣ пастушьей дочери.

шась всей крѣпости къ преодолѣнію оной; сохранена благопристойность; годъ минулъ послѣ смерти Плектрудиной. Онъ посредствомъ Еммы хотѣлъ открыть Батильдѣ страсть свою; и сіе то было причиною отличныхъ благосклонностей обольщающихъ несчастную Емму; онъ принялъ мѣры самъ быть истолкователемъ къ ней своей любьви. Кто можетъ лучше самого меня ей изъясниться, говорилъ онъ, не приступя еще къ намѣренію? Кто можетъ столь пламенно сказать Батильдѣ. . . . все ею въ меня внушенное? Объявлю я желаніе. . . . столь долго медлѣнное; препоручу ей сердце свое и руку; скажу, что по волѣ ея родителя, по Кловисѣ второй Аршамбодъ, одинъ можетъ быть ея супругомъ. Могуль уже я опасаться Ранульфа? Можетъ ли дочь королевская забыть себя даже до жертвованія любви своей? . . . Какое ослѣпленіе владѣетъ мною! Не почиталъ

ли я батильду подлою дѣвкою; по природѣ своей оковы мои носить осужденною? Но не я ли обожалъ ее? не она ли была моя повелительница? . . . Куда влечетъ меня страсть . . . . учинившая можетъ быть меня несчастнѣе всѣхъ на свѣтѣ? Ежели я отказомъ умножу побѣду моего совмѣстника, покажу ему презрѣнiемъ мнѣ оказаннымъ, сколь онъ любимъ, прибавлю стыдъ къ мученiю меня терзающему! . . . Но власть въ рукахъ моихъ: я повлеку батильду ко олтарю; принужу ее признать себя ея супругомъ. Да, она будетъ жена моя; правы, законъ вручатъ ее въ мои объятiя; я возвращу тѣмъ батильдѣ право ей принадлежащее; ежелибъ Едмондъ живъ былъ, Едмондъ бы перьвой споспѣшествовалъ сему союзу. Я буду. . . . гонитель батильды, ея врагъ лютѣйшiй, несносный ея хищникъ сто кратъ злѣе разбойниковъ ихъ похитившихъ, и заклю-

чившихъ

чившихъ въ оковы. Ахъ! для чего я прервалъ ихъ оковы? Какое мое великодушїе? . . . батильда увидитъ мои слезы, мое отчаянїе; она будетъ читать въ моемъ сердцѣ; я восхищю ее отъ Ранульфа. . . . Ранульфъ будетъ ли тебя какъ я любить? Ахъ батильда! моя только любовь достойна твоего вниманїя. Кто на землѣ болѣе Аршамбода обожаетъ твои приятности, твои добродѣтели? Кто болѣе счастливымъ себя почтетъ тебѣ понравиться, боготворить тебя? Тебѣ надлежитъ корона; ты не будешъ королевою, но женою Аршамбодовою, единой супругѣ Кловисовой право старшинства уступающею; отецъ твой былъ милъ тебѣ; добродѣтель первѣйшее чувствованїе въ тебя внушаемое: я открою тебѣ незнанїе о твоей природѣ; ты будешъ того достойна.

Аршамбодъ въ нетерпѣнии изъобразить душевныя движенїя, стѣ-

сняемыя насилїемъ, бѣжитъ къ Галзонтѣ; онъ обрѣтаетъ тамъ Батильду уйти отъ него хотящую. — Постойте, сударыня, время мнѣ говорить вамъ, увѣдомить васъ о томъ, чего уже скрывать болѣе отъ васъ не долженъ: знайте. . . Маиръ принужденъ на семъ словѣ остановиться; повелѣнїе Кловисово зоветъ его во дворецъ въ ту самую минуту; онъ туда летитъ во упованїи скоро возвратиться и у ногъ Батильдиныхъ открыть ей страсть свою.

Аршамбодъ, сказалъ ему Король, я тебя призвалъ для дѣла, столькоже нужнаго для меня, какъ и правленїе моего государства, которое и для него не маловажно. Слѣдуетъ о Королевѣ, которую я намѣренъ дать моимъ подданнымъ; благоразумїе и ревность всегда препровождали твои совѣты, никогда столь много какъ нынѣ не нужна была мнѣ твоя прозорливость. Когдабъ я

внималъ одной только любьви, тобъ скоро могъ рѣшиться, уже давно сердце мое основало сіе намѣреніе: но я Король, и люблю народъ мой; и для того надлежитъ согласить любовника съ Государемъ. Познай состояніе души моей; я уже два года люблю, люблю предметъ величественные взоры Монарха укоряющей; онъ вмѣщаетъ въ себѣ красоту, добродѣтель, молодость и всѣ пріятности въ свѣтѣ, она одарена всѣми совершенствами; но была невольница. Я не знаю, какой она природы, и по видимому состояніе ея не дозволяетъ раздѣлять престолу. . . . Аршамбодъ смущается, бледнѣетъ и трепѣщетъ. Кловисъ продолжаетъ: сія дѣвица мною обожаемая и стоющая мнѣ жизни, ежели санъ мой дозволитъ мнѣ жертвоватъ ей моимъ благополучіемъ, моими желаніями, она прежняя твоя невольница. . . . батильда— . . . батильда! вскричалъ Аршамбодъ. — Да, отвѣтствуетъ

ствуетъ Король ; Батильда самая. . . . я не могу жить, не обладая ею. Вѣдаю я все то, что ты мнѣ будешъ противурѣчить. Я не послѣдую примѣру нѣкоторыхъ моихъ предковъ: Аршамбодъ я строго сужу себя. . . . Но Батильда предметъ всего, что я ни вижу, что ни люблю ; Ранульфъ съ возхищенїемъ говорилъ мнѣ о ея прелѣстяхъ, добродѣтели и разумѣ. Естество нарекло ее Королевою, тронъ принадлежитъ ей. Приступлюль я къ нарушенїю законовъ ? Увы, Аршамбодъ ! я чувствую, что ее обожаю ; умру, ежели Батильда не будетъ моею супругою. Однакожъ я Король, я царствую надъ Французами, и не хочу потерять должнаго мнѣ почтенїя и уваженїя моей особѣ, столько же для меня лестнаго, какъ и сїянїе короны ; я хочу заслужить славу великаго Кловиса. Ты проницательный министръ, ты другъ мнѣ ; пускай сїи оба имена напомнятъ мнѣ

мнѣ мою должность и учинятъ счастливымъ; знай, что Кловисъ нѣжнѣйшій, наистрастнѣйшій любовникъ; но не позабудь того, что онъ Король. Поди, я ожидаю всего отъ твоей дружбы и благоразумія, приходи скорѣе опять, и утверди меня въ намѣреніи важномъ для моей жизни.

Тщетно описывать различныя движенія терзающія Маира дворцоваго; ни чье сердце не было раздираемо столь мучительнымъ и жестокимъ состояніемъ.

Несчастный любовникъ батильдинъ приходитъ во свои покои, объятъ сильнѣйшимъ отчаяніемъ; съ свирепостію пробѣжавъ оныя оставляетъ по всюду смятеніе; рабы его оробѣвшіе отъ него укрываются; онъ запирается въ своемъ кабинетѣ, и тамъ изъявляетъ восторгъ присутствіемъ Короля долго удерживаемой. Не сонъ ли то, вскричалъ онъ по долгомъ молчаніи? Такъ ли я слышалъ? Кловисъ. . . . Кловисъ

любитъ батильду, онъ хочетъ на ней жениться въ то самое время, когда я хотѣлъ повергнуться къ ногамъ ея! . . . Онъ на ней не женится. Мой Государь, Государство мнѣ милы, но батильду уступить не возможно, я одинъ буду ея супругомъ, ея любовникомъ. . . . Довольствуясь обожать ее. . . . тайна Едмондова пребудетъ запечатлѣнна въ моемъ сердцѣ. . . . Я люблю Короля, свою должность, однимъ словомъ, я въ состоянiи возвесть на престолъ ее, составить счастiе Кловисово и всей Невстрiи, вруча имъ Королеву, зерцало добродѣтели! Я колебаюсь! Внимаю любьви моей! Кловисъ похищаетъ ее отъ Маира дворцоваго! [Онъ съ скоростiю встаетъ.] Аршамбодъ побѣжденъ будетъ! батильда. . . . ты будешъ царствовать; я повяжу самъ на чело твое царскую повязку: ты со временемъ узнаешъ, что. . . я отъ тебя умру. . . . Ахъ! Я тебѣ жертвую тѣмъ, что мнѣ

дороже

дороже моей жизни. . . . батильда. . . . неблагодарная, ты Ранульфа мнѣ предпочитаешь; способен ли он к подобному сему дѣйствію? Я сам у себя рву сердце, тобою преисполненное, одной тобой. . . . [Аршамбод опять упадает в кресла, держася руками за голову и плача; по том возстает стремительно:] Нѣт, сїе не возможно. . . . . Государь! Народ! чего вы от меня требуете? Ах! Требуйте моей жизни, всей крови моей: но посвятить вам. . . . все то, что я любил! . . . все что, любил я! Увы! когда бы не любил я, помедлил ли бы возвести ее на трон? Не свойственноль мѣсто сїе ея прiятностям и достоинству ея особы? Я измѣнил отцу ея, истиннѣ, чести, государству, цѣлому свѣту, имѣющему удивляться добродѣтели на первую степень возведенной. Могу ли я поднести корону батильдѣ! Какое веселїе для души

чувствительной , слышать отъ всюду: ,, Аршамбодъ заслуживаетъ ,, нашу любовь и благодарность; ,, его избранію обязаны мы, имѣя ,, почитаемую и обожаемую нами ,, Королеву; она отираетъ слезы ,, несчастныхъ , помогаетъ бѣд- ,, нымъ ; она благотворительной ,, Ангелъ снизпосланной съ небесъ ,, утѣшить сію несчастную зем- ,, лю; по богѣ батильду нарица- ,, емъ мы въ молитвахъ на- ,, шихъ ,, . . . Я буду слышать оныя восклицанія. И когда не могу вкушать народнаго благоденствія, по крайней мѣрѣ я буду того орудіемъ; послужимъ отечеству, будемъ ему жертвою и исполнимъ тѣмъ свою должность.

Онъ возвращается къ Кловису — Вашъ выборъ, Государь, опредѣленъ: батильда достойна сердца вашего и руки; она вамъ ровна: отецъ ея былъ сынъ королевской, и самъ король, братъ Еркомбертовъ. Едмонду извѣстны были причины государсшвенныя, соеди-

нающія

няющія вѣроломца съ дворомъ Невстрійскимъ; онъ опасался, чтобъ несправедливая политика не принудила васъ помогать его брату; а оное и побудило сего несчастнаго государя скрывать отъ насъ свое достоинство; онъ мнѣ умирая то открылъ; я колебался открыть тайну сію своему Монарху: но Государь, вы любите батильду; вы ее защитите, вы отмстите ея нещастія; пускай она раздѣляетъ съ вами престолъ.... Позвольте мнѣ итти отъ сюда — Ты меня оставляешъ, Аршамбодъ, въ то самое время, когда Кловисъ и Государство получаютъ чрезъ тебя свое благополучіе? Какимъ упоенъ я веселіемъ! Какъ! я могу жениться на батильдѣ! батильда будетъ владѣть Невстріею.... такъ какъ она владѣетъ моимъ сердцемъ! Ахъ! всѣ мои подданные будутъ имѣть сходныя съ моими чувствованія, восхищенія, вся вселенная будетъ обожать такъ какъ я батильду.

Аршамбодъ, чемъ могу я удовлетворить такое благодѣянїе? буди другъ мой! . . . . Поди, вели все изготовлять ко браку мною нетерпѣливо ожидаемому; чтобъ чрезъ тебя Батильда извѣстилась о своемъ возвышенiи — Государь! . . . дозволь . . . — Аршамбодъ! тебѣ должно увѣдомить ее о судьбинѣ; ты виновникъ оной: ты долженъ собирать плоды съ твоего благодѣянїя, чувствовать цѣну благодарности. Лети, не мѣшкай, я по своимъ мученїямъ исчисляю тѣ минуты, въ которыя Батильда не Королева.

Аршамбодъ хотѣлъ отвѣчать; придворные входятъ къ Коралю, онъ посылаетъ Министра, сказавъ ему: старайся, чтобъ всѣ повелѣнїя мои были скоро исполнены.

Казалось, что фортуна забавлялась чудными произшествїями столь мучительными для Аршамбода. Не довольно того, что онъ покорилъ страсть свою и ее уничтожилъ: но надлежало, чтобъ онъ

онъ возвѣстилъ батильдѣ о премѣнѣ ея судьбины, и отдалъ ее въ руки Кловисовы.

батильда и Емма скоро узнали о отчаянїи Аршамбодовомъ, въ которое онъ вдался возвратясь изо дворца; слухъ о томъ прошелъ даже до Галзонты; всѣ дѣлили сїе смятенїе; опасались того, что не прогнѣвалсялъ Король на Маира: ничего легче вообразить себѣ не можно о тѣхъ несчастныхъ рабахъ, привязанныхъ пышностїю къ службѣ придворной, столь мало стоящихъ нашей къ нимъ зависти.

Сей день, вскричалъ Аршамбодъ самъ съ собою размышляя, сей день представитъ свѣту невиданное позорище. Чего добродѣтель и великодушїе болѣе отъ сердца человѣческаго могутъ требовать? Я обожаю, боготворю батильду; батильда одна все для меня составляетъ! Утая о ея природѣ, обладалъ бы ея красами, былъ бы супругъ ея . . . . А я самъ одн-

нимъ

нимъ изреченіемъ вонзилъ себѣ кинжалъ въ сердцѣ! я посвящаю любовь свою . . . . на вѣки! Пекусь о славѣ батильдиной и о благополучіи Государства! И я же . . . . я долженъ возвѣстить ей, чтобъ она учинила другаго счастливымъ, чтобъ сопряглась съ другимъ, покамѣстъ . . . . Не довольноль я въ битвахъ умирать научился! ахъ! смерть не столь ужасна . . . . О Государь! о Невстрія! довольныль вы? Какой еще вы ожидаете отъ меня жертвы.

Онъ пошелъ въ провожаніи великаго числа придворныхъ въ покои батильдины, собравъ всѣ силы, чтобъ скрыть смущеніе его снедающее: Я мало сдѣлалъ, милостивая государыня, прервавъ оковы ваши; ваша кросота, добродѣтель, достоинство стоятъ цѣны превозходящей оное, и сіе я вамъ представляю. . . . Волненіе отъ любопытства произшедшее объяло все собраніе.

Аршамбодъ оборотясь къ своимъ невольникамъ — Повинуйтесь! они вышли и возвратились чрезъ нѣсколько времени съ сундукомъ, обитымъ богатою парчею. Вотъ, милостивая государыня, продолжалъ онъ, открывъ сундукъ, Повязка королевская; дозвольте мнѣ повязать ее по челу вашему: Скипетръ сей украсится прекрасными руками вашими. [По томъ оборотясь къ зрителямъ въ изумленіи стоящимъ:] Вы видите передъ собою Самодержицу вашу, Королеву, Королеву Невстріи, супругу Кловиса мною ему даруемую.

Онъ простерся предъ батильдою. Что вы дѣлаете, милостивой государь, вскричала она! — Свою должность, Государыня! . . . Вы свою исполняйте. Королъ съ давнаго времени васъ любитъ, нынѣ препоручаетъ вамъ свою руку, и вы ее достойны. Я могу уже открыть тайну, которую родитель вашъ умира

рая мнѣ ввѣрилъ: желанія его исполнены; Кловисъ въ васъ вѣнчаетъ внуку Етельбертову.... Знайте, что нѣтъ для Батильды другаго супруга, кромѣ Монарха.

Батильда отвѣтствуетъ, выступя нѣсколько шаговъ впередъ, выходящему вонъ Аршамбоду: Ахъ! милостивой государь, позволь.... Печаль пресекаетъ ея голосъ; Маиръ устремляетъ на нее взоръ жалостный, и воздыхаетъ — Кловисъ одинъ достоинъ любви вашей. Сказавъ сіи послѣднія слова, оставляетъ собраніе въ удивленіе погруженное, и спѣшитъ въ кабинетъ, заперши оной за собою.

Галзонта и Емма обрадованныя возвышеніемъ Батильды, сообщаютъ ей чувствуемую ими отъ того радость, и ее поздравляютъ; слезы и огорченіе королевы служатъ имъ вмѣсто отвѣта; она упадаетъ въ обморокъ къ нимъ на руки.

Не можно описать состоянія, въ которомъ находился тогда Маиръ. Онъ чувствовалъ терзанія и душа его колеблема была движеніями; вздохи и крикъ его угнѣтали; онъ бросался плача въ кресла, вставалъ въ яростномъ изступленіи, ходилъ скоро, стоялъ неподвиженъ, какъ человѣкъ громомъ пораженной, твердя только имя Батильды.

Приходятъ ему сказать, что огорченная Батильда говорить съ нимъ желаетъ; онъ не сомнѣвается, чтобъ не Ранульфъ былъ предметомъ слезъ ею проливаемыхъ; онъ предстаетъ, проситъ Галзонту и Емму удалиться. Ахъ! милостивой государь, сказала Батильда, украшенная всѣми прелѣстьми прискорбности, выслушайте меня .... Прошу ... слово .... единое слово .... Не могу... Не долженъ ничего слушать, отвѣчаетъ Маиръ голосомъ прерывающимся .... Надлежитъ побѣдить.... всѣ

сіи

сіи страсти и быть возпламененной единымъ благороднымъ рвеніемъ, явить на тронѣ добродѣтель, вспомоществовать благополучію, славѣ государя, благоденству государства; явить взору вселенной знаменитой образъ высокихъ качествъ душу Самодержицы составляющихъ; жертвовать своей должности, величеству. . . . Невстрія имѣетъ нужду въ Королевѣ. . . будьте ею, сударыня. . . . сіе имя вамъ все напоминаетъ. . . . совершите вашъ превосходной жребій; [онъ присовокупляетъ къ тому проницательнымъ голосомъ:] оставте умереть. . . Онъ не можетъ окончать. Кловисъ со всѣми придворными входитъ къ Батильдѣ. Сей государь низложилъ королевскую гордость, дабы отдаться восторгу нѣжнѣйшему любителю свойственному, Батильда отвѣчала на все одними слезами красоту ея умножающими. Сіи знаки печали почиталъ Король приятною стыдливостію.

ливостію. Она выходила изъ сего смятенія, стараясь встрѣтиться со взорами Маира, которой стоялъ опустя въ низъ глаза, чувствуя внутренно тьму различныхъ мученій. батильда умирающа влекома была во храмъ. Аршамбодъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ сей церемоніи, но принужденъ Королю повиноваться, и самъ препроводить батильду ко олтарю, она еще обращаетъ очи свои омоченные слезами на Аршамбода. Вѣнчаніе окончалось. . . . батильда стала женою Кловисовою, и кажется готовою испустить послѣднее дыханіе; Маиръ возвратясь въ свои покои, чтобъ удалиться отъ пиршества смерть ему причиняющаго, одинъ остался. Тщетно Галзонта и Емма смущенныя предлагаютъ ему свои старанія: Аршамбодъ поверженъ былъ въ уныніе, котораго причина никому была неизвѣстна.

батильда возшедшая на тронъ, явила душу королевѣ свойственную,

ную, или паче добродѣтели ея изторгнутыя изъ мрачности приняли свои мѣста во всей ясности. Невстрія не преставала сплетать похвалы ей, и соединять съ возклицаніями имя Батильды и Аршамбода. Она была зерцаломъ благотворенія и закона, мать бѣдныхъ, подпора несчастныхъ, и покровительница страждущаго человѣчества. Между тѣмъ удовольствіе, произходящее отъ сихъ добродѣтельныхъ упражненій, не сильно было преодолѣть снѣдающее Королеву безпокойство; она и въ объятіяхъ своего супруга непрестанно ощущала сію прискорбность.

Печаль Аршамбода терзающая усугублялась молчаніемъ на всѣ отвѣты Галзонты и Еммы; тщетно просили онѣ его, открыть имъ смертельную печаль его крушившую; сожалѣніе и печаль Еммы равны были съ ея любовію.

болѣзнь

болѣзнь Аршамбодова усиливается: король о томъ извѣстился; онъ любилъ искренно Маира; государство раздѣляетъ смущенїе своего короля, и опасается лишиться Аршамбода, столь для себя нужнаго. Кловисъ къ нему идетъ, бѣжитъ къ его постели. — Что съ тобою сдѣлалось, любезной Аршамбодъ? не король, но другъ твой свидѣтельствуетъ свое сожалѣнїе о твоемъ состоянїи. Чемъ ты болѣнъ? я отдамъ половину государства за сохраненїе твоей жизни. — Всемилостивѣйшїй государь! Я не достоинъ столь великихъ отъ вас милостей. Причина моей болѣзни мнѣ неизвѣстна .... Но .... я чувствую.... что скоро .... отверзется гробъ мой. — Ахъ! живи для Кловиса, для Государства ... для королевы — Для королевы! ... [Аршамбодъ не можетъ удержать тяжкаго вздоху] — Она неутѣшима о семъ несчастливомъ приключенїи,

она

она никогда не позабудетъ того, чемъ должна тебѣ; ея брагодарность — . . . . Государь! . . . Я оказалъ услугу Государству и своему Королю . . . . батильда рождена быть вами обожаема. . . . Всякъ знаетъ совершенство ея добродѣтели. . . красоты. . . Кловисъ счастливѣе всѣхъ королей на свѣтѣ.

Король усугубляетъ знаки своего дружелюбія и усердія: они повторяютъ имя батильды, и сіе кажется жизнь Аршамбоду возвращаетъ.

Посещеніе королевское, а паче сожалѣніе со стороны королевы имъ засвидѣтельствованное, удержало послѣднее его дыханіе. Какъ! вскричалъ онъ, батильда печется о сохраненіи дней моихъ! . . . Ахъ! что ее къ тому принудило? благодарность. . . . благодарность! . . . Ахъ! слабое толикой горячности воздаяніе. . . смерть мнѣ причиняющей! благодарность сходствуетъ ли съ любовію?

бовїю? . . . Но куда я стремлюсь! . . . Вашильда уже не моя невольница . . . Умремъ, не объявляя нималѣйшаго чувствованїя почтенїе мое къ ней нарушающаго.

Ранульфъ, котораго ревность учинила непримиримымъ неприятелемъ Аршамбода, дерзаетъ притти къ нему; онъ обрѣтаетъ его жалующагося на болѣзнь свою, усиливающагося побѣдить себя и преобороть смерть ко гробу его влекущую. Великїй человѣкъ, сказалъ ему Ранульфъ, не удивляйся моему сюда приходу; торжествуй своею побѣдою. Я былъ твой соперникъ, злодѣй твой, и пришелъ удивляться тебѣ. — Мнѣ удивляться! ахъ! Ранульфъ, сїе чувствованїе мнѣ не принадлежитъ. Тебѣ извѣстна моя тайна, моя слабость, я ничего отъ тебя не скрывалъ. . . . Не удивляйся мнѣ, но сожалѣй обо мнѣ . . . . Мое состоянїе подвигнетъ на сожалѣнїе сердца нечувствительныя! — Я, милостивой государь,

достo-

достоинъ сожалѣнія: я оскорблялъ дружбу, честь. Приведенъ будучи въ отчаяніе лишеніемъ надежды получить Батильду, выхвалялъ я прелести ея Королю; я возжегъ въ немъ склонность въ него внушенную; я хотѣлъ тѣмъ отмстить вамъ, и подлая моя хитрость служила мнѣ ко умноженію вашей славы и ко блистанію величности души вашей. Въ вашей состояло власти сокрыть истинну, и жениться на Батильдѣ, вами обожаемой; а вы сами вручили ее Кловису. . . . Сколь много вы меня превосходите! — Я уже сказалъ, Ранульфъ, ты меня знаешъ, и я похвалъ не заслуживаю; я исполнилъ мою должность, корона принадлежала Батильдѣ, она ее достойна. Я послужилъ справедливости, добродѣтели, Кловису, Государству. Но, Ранульфъ, человѣчество мое тѣмъ не отъемлемо; не менѣе терзается мое сердце; и я конечно бы похотѣлъ тебя обманутъ, когдабъ скрывалъ отъ

тебя свои мученія. Сколь много стоило мнѣ сіе преодоленіе! Естьли добродѣтельной . . . умирая отъ отчаянія . . . безполезно, затмѣвать тебя судьбою жребій мнѣ изготовляющей; я знаю, что Батильда моя королева, моя владычица; что одно почтеніе мнѣ къ ней имѣть дозволяется; такъ смерть одна скончаетъ сіи противоборствованія, въ которыхъ рѣдко разсудокъ мой остается побѣдителемъ. . . . Ранульфъ! . . Добродѣтели человѣческія суть мѣчта! вмѣсто того, что бы выхвалять мое великодушіе, покажи мнѣ мою слабость, все пространство того пути, по которому мнѣ итти должно ко пріобрѣтенію народнаго почтенія, почтенія собственнаго; напоминай мнѣ чинъ мой; говори, что правительство имѣетъ нужду въ трудахъ моихъ, что я надобенъ своему Государю, что всякую минуту Невстрія почитаетъ меня для себя необходимымъ; вооружай

меня противу меня самаго: тогда паки найду въ тебѣ друга.

Онъ обнимаетъ Ранульфа проливающаго слезы отъ удивленія происходящія. Отъ сего времени жили они не разлучно, напоминая иногда съ нѣжностію о Королевѣ. Вотще старался Аршамбодъ излѣчить чувствованіе возраждающееся и укрѣпляющееся въ душѣ его. Сія непреоборимая страсть его снѣдала, торжествуя надъ его благоразуміемъ.

Слухъ пронесся, что Маиръ не освобождаясь отъ болѣзни, отказывается отъ своихъ чиновъ и хочетъ отъ двора удалиться; онъ никогда не являлся, хотя Кловисъ ему и приказывалъ. Сей Государь написалъ къ нему въ чувствительныхъ выраженіяхъ письмо, прося его къ себѣ. Аршамбодъ тронутый милостями королевскими повинуется; и едва итти можетъ. Кловисъ увидѣвшей его издали идущаго, подаетъ ему руку. — Поди достойная подпора

подпора престола; какой поражен я вѣдомостїю? Аршамбод, небез извѣстно тебѣ, что ты мнѣ дорог, полезен Кловису и Государству, и ты хочешь оставить правленїе онаго! Какая то болѣзнь, которой причина столь неизвѣстна, и которую излѣчить не можно?... Я бы думал не так как Король твой, но как друг, имѣть нѣкоторое право над твоею довѣренностїю: может быть другаго ты бы послушался.... Я ласкаюсь, что Королева.... — Что слышу я!.... — Вот она.... Подите сюда, сударыня, Аршамбод хочет нас оставить.... Вы должны возвратить жизнь ему, для нас сохранить его; вы знаете, сколь много я люблю его: я ожидаю всего от вашей к нему прозьбы и оставляю вас с ним.

Кловис вышел вон. В какое батильда и Маир приведены были смущенїе! Они боятся взглянуть друг на друга; смя-

шенie ихъ умножается; они не смѣютъ сойтиться; Королева хотѣла уйти, но вспомнила, что съ симъ свиданiемъ сопряжена польза государственная. Она находилась въ несказанномъ безпорядкѣ. Что принадлежитъ до Маира, онъ отягченъ былъ своимъ состоянiемъ; на единѣ съ женщиною, которую онъ страстно любилъ, которая еще обитала въ его сердцѣ, и къ которой принужденъ былъ имѣть одно почтенiе величествомъ сана ея внушаемое. Онъ хочетъ говорить, но рѣчь его остается безъ дѣйствiя; онъ испустилъ вздохъ. Сколь она показалась ему тогда прелѣстною, и сколь много собою украшала она корону! Сей величественной видъ соединенной съ прелѣстьми являлъ ее прекраснѣе и опаснѣе! Королева трепѣща и голосомъ прерывающимся, перьвая начала говорить. — Вы насъ оставляете? . . . Король супругъ мой, и Невстрiя ожидаютъ, чтобъ

вы

вы остались на мѣстѣ достойнымъ человѣкомъ всегда сохраняющемся. — Я всегда имѣлъ ревность, милостивѣйшая государыня, и равное усердіе возпламеняетъ всѣхъ подданныхъ Кловиса. . . . батильды. — Должность сія требуетъ дарованій соединенныхъ съ вѣрностію и добродѣтелію; единый Аршамбодъ обладаетъ всѣми сими преимуществами — Хвалы изъ устъ Королевы изходящія весьма лѣстны, и я подтщусь учинить себя достоинымъ оныхъ. Что благороднѣе сего возблагодаренія? Но Государыня. . . . — Какъ! вы бы отказали соизволенію Короля? По семъ имени дозволеноль мнѣ упомянуть и о своемъ? . . . Могуль я надѣяться, что мои прозбы. . . . Прозбы, вскричалъ Аршамбодъ! . . Прозбы моей Королелы! Скажите, ваши повелѣнія, Государыня. . . . Онѣ мнѣ святы. . . . гласомъ вашимъ небо мнѣ повелѣваетъ. — Я къ тому присовокупила бы прозбу

Еммы. . . . . — Что вы говорите? . . . — Что Емма для васъ что нибудь значитъ. . . . Ея стараніе. . . . — Емма, государыня! . . . Вамъ ли сомнѣваться о власти Батильды надо мною? . . . Нѣтъ нужды прибавлять къ тому имя Королевы. . . . Онъ приходитъ въ замѣшательство и съ трудомъ продолжаетъ: разсуждайте, милостивѣйшая государыня, сколь бѣдственно мое состояніе, когда оно препятствуетъ мнѣ повиноваться воли вашей! . . . — Откуда произходитъ безпокойство дни ваши тревожущее? — Откуда Государыня? . . . [Онъ устремляетъ взоры свои на Батильду, и проливаетъ слезы] Ахъ! Государыня, давно уже должна быть причина вамъ извѣстна. . . . — Что вы говорите! . . . Батильда приходитъ въ безмолвіе, торопѣетъ. Аршамбодъ влекомый непреоборимою силою, упадаетъ къ ногамъ ея. Аршамбодъ, вскричала Королева . . . .

что вы дѣлаете? Она хочетъ подняшь его. — Пустите меня умереть у ногъ вашихъ; дозвольте по крайней мѣрѣ, чтобъ чувствованіе до сего въ сердцѣ моемъ запечатлѣнное извѣстно было при послѣднедъ моемъ издыханіи. Я знаю, что васъ тѣмъ оскорбляю. Но Государыня, я уже умираю и смерть загладитъ мою продерзосшь; вы видите простертаго предъ вами человѣка, которой васъ обожалъ во время. . . . Я былъ вашимъ невольникомъ; вы уже и тогда были моя повелительница; я чтилъ васъ по мѣрѣ моей къ вамъ любьви. Я былъ сопряженъ съ Плектрудою, любовь моя скрывалася; я обожалъ васъ, жертвуя всею моею горячностію. . . Ранульфъ имѣлъ счастіе вамъ понравиться; извѣстенъ будучи отъ него самого о его къ вамъ страсти, я самъ себя предавалъ, вручая вамъ его въ супруги. Услышалъ отъ родителя вашего, какого вы произ-

хожденія; Ранульфъ несходнаго былъ съ Батильдою состоянія; супруга моя скончалась; я ласкался, что королевская дочь не презритъ руку Аршамбодову; я хотѣлъ вамъ оную отдать съ сердцемъ, изъ котораго образъ вашъ никогда не выходилъ. Король открылъ мнѣ свою склонность, и Батильда должна была быть сопряжена съ Монархомъ. Я могъ умолчать: онъ отъ меня узналъ о вашихъ несчастіяхъ, и что престолъ вамъ принадлежитъ, я къ оному васъ препровелъ, Государыня, и вы царствуете; Король васъ любитъ; Невстрія прославляетъ его выборъ; я исполняю мою должность, и требую вашего обо мнѣ сожалѣнія. Простите мнѣ, что я оскорбилъ васъ, прервавъ молчаніе: но снесу во гробъ удовольствіе, сказавъ моей Монархинѣ . . . что я для нее умираю. Я требую одной милости, удостойте мнѣ по крайней мѣрѣ сказать, что вы меня прощаете . . .

что обо мнѣ сожалѣете. Въ послѣдній разъ уже я васъ вижу, повторяю вамъ. . . . Нѣтъ, милостивѣйшая государыня, я окончу, не преступлю того, чемъ вамъ долженъ; скорая смерть лишитъ васъ позорища тоски моей . . . . Ахъ! башильда . . . . что вижу я . . . . смертная блѣдность покрываетъ лице ваше! О небо! — Вы не любили Емму! . . . Вы меня любили, Аршамбодъ! и вы могли подумать, что я любила Ранульфа . . . . и вы хотѣли на мнѣ жениться! . . . Не объявлялоль вамъ все, кто былъ обладатель моего сердца? [башильда взираетъ на Маира проливая слезъ потоки] кто кромѣ Аршамбода тронулъ меня? . . . Я былъ любимъ башильдою, вскричалъ Маиръ!

Оба они пребывали въ изступленіи сильною страстію произведенномъ. башильда первая вышла изъ сего ужаснаго изумленія, подобно какъ отъ глубокаго сна пробудившись. Она на всѣ стороны

 смот-

смотритъ и устремляется на Маира : вы меня любили , Аршамбодъ! . . . Она нѣсколько времени останавляется : чело ея чрезъестественное являетъ волненіе. Она продолжаетъ твердымъ голосомъ: Аршамбодъ! выслушай меня; собери свои мысли , сядь . . . . сядь и не прерывай моей рѣчи. . . . [онъ хочетъ говорить] Не королева твоя . . . . батильда требуетъ отъ тебя молчанія.

Онъ садится въ безпорядкѣ , въ безмолвіи, и пораженъ ударами. Королева продолжаетъ.

Теперь я даю мѣсто движеніямъ . . . . которыя я преодолѣю . . . . на всегда. Жена Кловисова представляетъ невольницу Аршабодову, чтобъ послѣ на вѣки не быть ею; и вся жизнь королевы исправитъ нѣсколько минутъ батильдѣ посвященныхъ.

Да, Аршамбодъ, я васъ любила, сіе признаніе не оскорбляетъ моего короля и супруга , потому что добродѣтель всегда боролась съ

сею

сею склонностїю , а нынѣ . . . . побѣдить ее. Любовь сїя первая поколебала мое сердце. Вмѣсто того, чтобъ открыть то кому нибудь, едва смѣла я сама себѣ давать въ томъ отчетъ; я скрывала ее отъ родителя, отъ Еммы, и отъ себя самой; вспомните то, что я съ робостїю, со страхомъ къ вамъ приближалась; я страшилась наималѣйшаго движенїя въ душѣ моей за васъ говорящей: совмѣстница Плектрудина былабъ преступницею, а угрызенїя мои преслѣдовали бы преступленїю. Отецъ мой примѣтилъ сїе смущенїе, которое я скрывать старалась. Онъ думалъ, что Ранульфъ былъ того виною, и сїя ложная мысль гораздо менѣе меня тяготила, нежелибъ могъ онъ проникнуть въ справедливость; я не могу ни въ чемъ укорять Ранульфа . . . . Такъ вы не любили его, прервалъ Аршамбодъ? — Ранульфъ мнѣ былъ противенъ. Несносное унынїе объяло мною, я отвращала

все то, что могло оказать того причину ; и сіе доводило меня до гроба ; вы ко мнѣ приходили, я ожила; вы насъ освободили, я чувствовала внутренное сопротивленіе оставить мѣста, въ которыхъ вы живете. На конецъ ревность изъяснила мнѣ вину моего смущенія, которое я проникнуть опасалась : я представила себѣ, что вы любите Емму . . . — Люблю Емму! ахъ! не всель являло вамъ, что я обожалъ васъ ? могъ ли я . . . — Аршамбодъ позабываетъ, что я ожидаю отъ него молчанія. Совмѣстница Еммы . . . Тогда то видѣла я, что васъ люблю . . . . однакожъ употребила твердость къ побѣжденію себя. Вы лишились Плектруды; страсть моя уменшилась, я себя не столь строго судила ; гордость моя придавала мнѣ новыя силы; я была увѣрена, что Емма вамъ мила, что вы на ней женитесь; сіе воображеніе укрѣпило меня болѣе, нежели сама добро-

дѣ-

дѣтель. Тогда вы обьявили, что я должна жертвовать моей природѣ, повелѣнію моего родителя, и чтобъ на конецъ дала руку Кловису. Я думала, что вы проникнули въ мою тайну, что меня не любите, и тѣмъ самымъ предлагаете мнѣ правило, не любить васъ, и отъ васъ отказаться. Аршамбодъ. . . я вамъ повиновалась; я, которая предпочла бы васъ всѣмъ Королямъ въ свѣтѣ; я, которая со удовольствіемъ носила на себѣ имя вашей невольницы. . . . Маиръ паки упадаетъ къ колѣнамъ королевы; она приказываетъ ему встать и продолжаетъ: знай, что въ послѣдній разъ открываю я вамъ мою слабость. Я послѣдовала твоимъ желаніямъ; препровождена была тобою. . . . тобою къ олтарю! . . . . Ты видѣлъ меня умирающую. . . . [по долгомъ молчаніи] я сопряжена съ Кловисомъ.

Теперь выслушай его жену, которая почитаетъ себя вамъ

обязан-

обязанною. Я стала королевою. Съ сей минуты я себя самой посвятила; чувствовала, что не должна уже жить для себя. . . . для васъ; но что уже я должна Королю, престолу, государству. . . . ими преисполнена душа моя, хотя бъ мнѣ отъ того и умереть надлежало. . . . Вотъ единые предметы объемлющїе меня до послѣдняго издыханїя: [она возстаетъ] Аршамбодъ, буди твердъ въ послѣдованїи мнѣ; что говорю я? Окончевай свой подвигъ; ты возвелъ меня на престолъ; учини меня достойною онаго; позабудь батильду, и утверди Королеву съ собою купно въ ревностномъ желанїи споспѣшествовать благу государства; пусть сїе общее попеченїе, сїе похвальное рвенїе соединитъ, возпламенитъ насъ! Я заимствую твои слова, твои совѣты; не будемъ имѣть другой страсти, кромѣ славы моего супруга, кромѣ утвержденїя народнаго благоденства и благополучїя.

получія. Вотъ, милостивой государь, возхищенія свойственныя таковымъ душамъ, какъ наши.... вотъ движенія, которымъ мы должны отдаться. Живи для того, чтобъ называться великимъ человѣкомъ, получать награжденіе добродѣтелію воздаваемое, заслужить похвалы отъ согражданъ своихъ; для своей собственной славы сохраняй свое мѣсто, буди опора своего государя, перьвой изъ его подданныхъ, учини себя торжественнымъ примѣромъ вѣрности и усердія; паче всего... напоминай женѣ его только о ея должности... — Ахъ! Душа моя до вашей возвышается. Государыня! познайте днесь власть вашу; разсуждайте, умѣетель вы повелѣвать такъ какъ Королева, а я повиноваться. Я исторгну себя отъ смерти меня ожидающей; принужу себя жить, чтобъ удивляться вашимъ добродѣтелямъ, подражать имъ, и отдаться попеченіямъ, отъ должности

жности моей зависящимъ, о пользѣ государства, и о удостоенїи вниманїя на себя Кловисова, всей вселенной. . . . батильды. . . . Чего еще вы потребуете? — Ничего болѣе — Что вамъ надобно? — Чтобъ оба мы заключили вѣчно не измѣнять себѣ; истребилибъ до малѣйшаго воспоминанїя сей любьви, которая насъ оскорбляетъ. . . . и которая была бы для меня преступленїемъ; чтобъ предложить ей непреоборимыя препоны; и чтобъ на конецъ вы сопряглись. . . . — Не окончевайте, государыня! Какъ! сего не довольно, чтобъ мнѣ еще сносить жизнь, видѣть батильду супругою другаго, пожирать слезы, умереть не могши роптать на любовь несчастную? Вамъ угодны мученїя жесточѣе сихъ? Что бъ рвать мнѣ сердце; надлежитъ изгнать изъ него зракъ вашъ, скрытно не обожать васъ, не изъявлять вамъ моихъ мыслей, слезъ тоскою моею питаемыхъ? . . . .

Надобно,

Надобно, чтобъ другой. . . . Ахъ! батильда, ахъ милостивѣйшая государыня! я все сдѣлаю. . . . я все сдѣлаю, чтобъ вамъ повиноваться; но не повелѣвайте мнѣ признать другую предметомъ моея вѣрности и быть сопряженну. . . . Вы плачете!. — Вы заставляете меня проливать слезы; не видитель того? Аршамбодъ, можешъ ли желать того, чтобъ я была виновна? Въ сїю минуту я съ излишкомъ виновата. . . . Не старайся далѣе стремиться въ мое сердце. . . . Аршамбодъ. . . . желаешь ли водворить въ него раскаянїе? Сохрани мою непорочную добродѣтель . . . . ежели еще я мила тебѣ. — Ежели вы еще мнѣ милы! . . . [Аршамбодъ смотря на батильду проливаетъ слезы] — Ты никогда не подвигнешъ меня къ подобнымъ сему опытамъ; ты не услышишъ моихъ вздоховъ, сокровенныхъ стенанїй, отвратишь взоры свои отъ слезъ моихъ.

ихъ, и сего же дня пойдешь предъ олтаремъ сочетаться. . . . — Сочетаться! . . . — Съ Еммою. . . . которая тебя любитъ, она открыла мнѣ къ тебѣ страсть свою; она благороднаго произхожденія. . . . Прощай, я иду объявить супругу своему, что Маиръ дворца къ нему склонился. . . . Аршамбодъ! . . . не позабудемъ, что я Королева и жена Кловисова. Батильда скоро уходитъ, будто опасаясь, чтобъ твердость ея не поколебалась. Куда бѣжите, милостивѣйшая государыня, вскричалъ Аршамбодъ? постойте. . . . минуту. . . . Она меня не слушаетъ! . . . не внемлетъ! . . . Батильда. . . Вы будете удовольствованы: я въ васъ буду почитать только Королеву мою государыню, предметъ удивленія, почтенія всей вселенной. . . . Позабуду. . . . умру стократно. . . . женюсь на Еммѣ. . . . Да, я на ней женюсь. . . , Пойдемъ; могуществомъ добродѣтели побѣдимъ страсть, все преодолѣть

меня

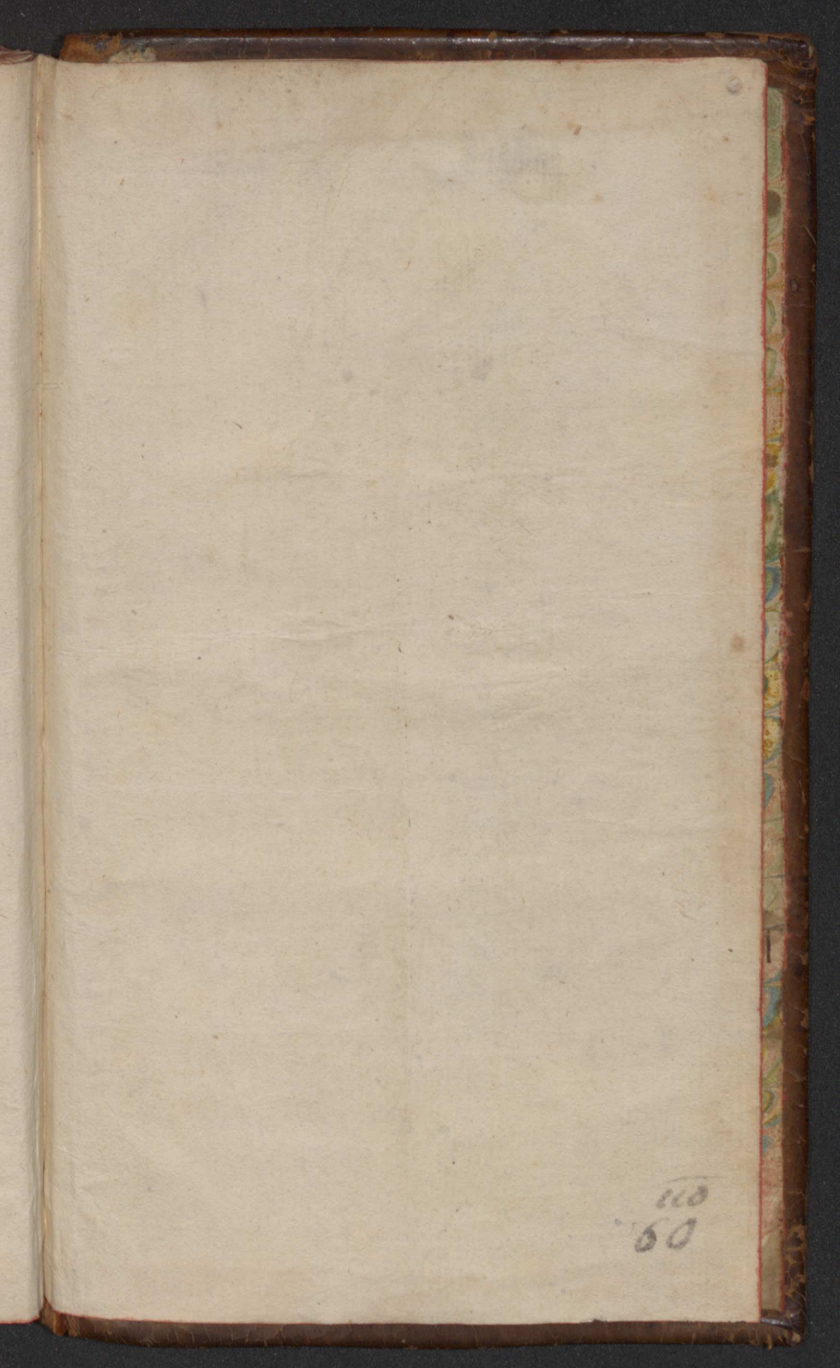
меня побуждающую. Учинимъ свое счастїе, счастїе всей Невстрїи, и чтобъ имя Аршамбодово удостоено было нѣкогда, быть поставлено подлѣ безсмертнаго имени Батильды.

Оба они въ самомъ дѣлѣ учинились достойны вниманїя потомства. Аршамбодъ женясь на Еммѣ, отдался со всѣмъ попеченїю о правительствѣ; къ пышности своего чина, умѣлъ онъ заслужить отъ всѣхъ почтенїе къ своей особѣ; а Батильда славнѣйшая королева для рѣдкихъ ея добродѣтелей, дарованїй и благоразумнаго управленїя, славу свою совершенною учинила; она оставила дворъ, и заключа себя во уединенїи, скончалась, прославясь набожностїю.

КОНЕЦЪ

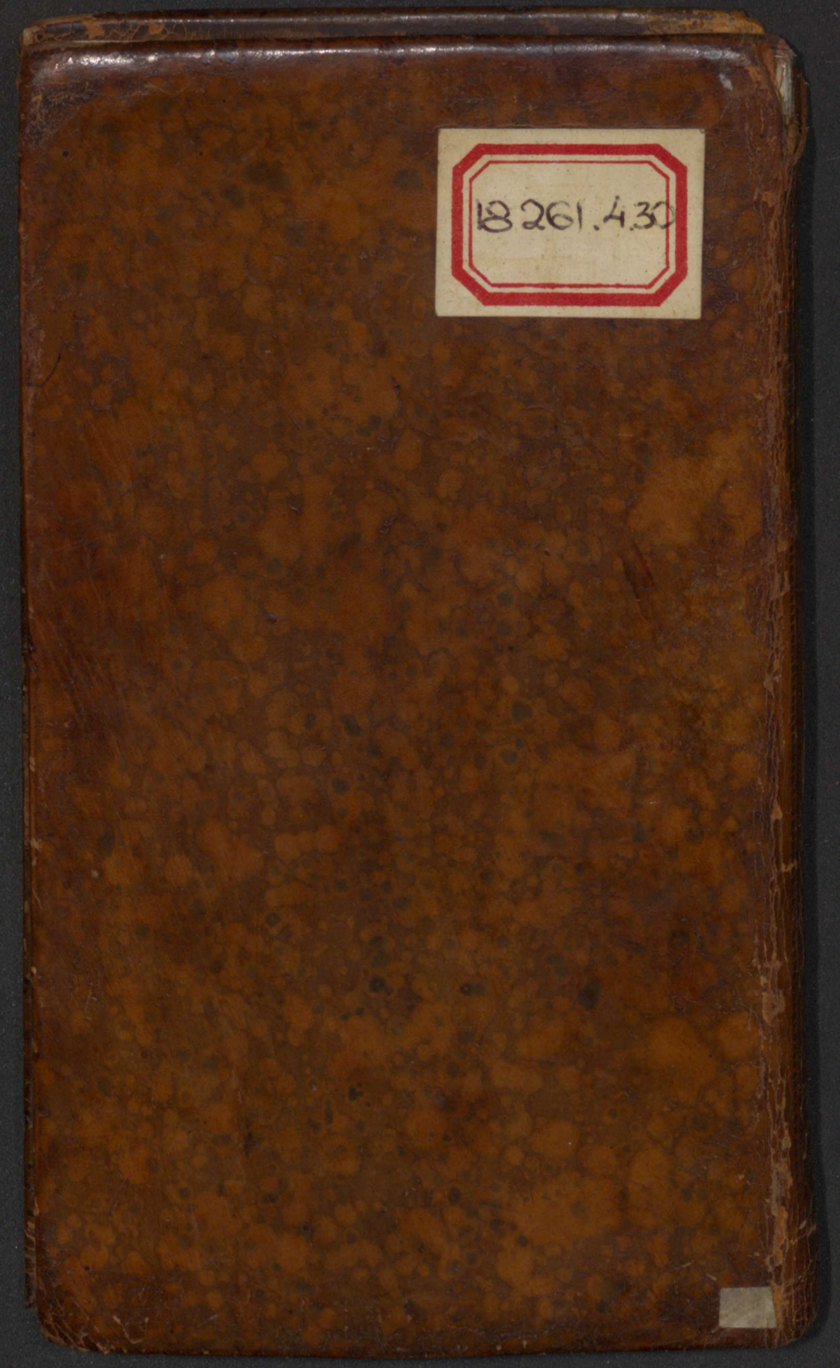

60

18261.4.30